

Евгений Капба

ПОРУЧИК

СТАРЫЙ СВЕТ

ИДДК

КНИГА 1

Старый Свет

Евгений Капба

Старый Свет. Книга 1. Поручик

«ИДДК»

2023

Капба Е. А.

Старый Свет. Книга 1. Поручик / Е. А. Капба — «ИДДК»,
2023 — (Старый Свет)

Вместо хруста французской булки – хруст песка на зубах. Вместо золотых погон – на плечах груз ответственности за подчиненных. Вечный поручик, без перспектив на повышение и мирную жизнь. Вечный выбор между злом большим и тем, которое чуточку поменьше. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами? Или – не правое? Или – не будет? История – альтернативная, мир – параллельный, но...

© Капба Е. А., 2023

© ИДДК, 2023

Содержание

Часть 1. Глава 1. Ночь	6
Глава 2. Дуэль	11
Глава 3. Клён	14
Глава 4. Капель	21
Глава 5. Склад	24
Глава 6. Преторианцы	27
Глава 7. Оккупанты	31
Глава 8. Апперкот	35
Глава 9. Коробочка	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгений Капба

Старый Свет. Книга 1. Поручик

© Капба Евгений

© ИДДК

Содержание цикла "Старый Свет":

Книга 1. Поручик

Книга 2. Специальный корреспондент

Книга 3. Атташе

Книга 4. Флигель-Адъютант

Часть 1. Глава 1. Ночь

Промозглый ночной ветер ворвался в блиндаж, закружился по столу, заставляя вальсировать документы, поиграл огоньком керосиновой лампы и умчался через щели между бревнами. Стеценко закурил папиросу и спросил у меня:

– Будешь?

Я усмехнулся. Он покачал головой и спрятал пачку. Наверное, я был единственный некурящий офицер в нашей бригаде, а сегодняшняя ночь была не лучше и не хуже многих. С чего бы мне начинать курить?

– Ну и дурак, – резюмировал Стеценко и вытянул ноги, чтобы согреть подошвы ботинок у печки.

Я потянулся и встал с топчана. Нужно было проверить посты. Расправил шинель, застегнулся на все пуговицы и затянул потуже португеею с шашкой и револьвером.

– Ну-ну, давай, проявляй служебное рвение. Авось полковник заметит... – Стеценко задремал на своей табуретке, вытянув ноги и привалившись к стене.

Снаружи было зябко. Я втянул голову в плечи, но потом подумал, что не стоит оно того, распрямился, надел фуражку и зачем-то провел пальцами по козырьку. Сквозь ночную тьму виднелись огоньки папирос, которые курили солдаты в окопах. Мерцал непостоянный, мигающий свет от небольшого костерка, который развели бойцы, на чью долю выпало сегодня ночью не спать. Вообще-то, костер разводить нельзя – светомаскировка. Вдруг вражеский наводчик направит сюда огонь артиллерии, или проплывающий высоко в облаках цеппелин решит сбросить свой смертоносный груз на наши позиции? Но ведь солдатам-то было холодно! И они не могли укрыться в условно теплом блиндаже, как я или Стеценко.

Я подошел к костру и сказал:

– Прикройте огонь, а то с этих станется пальнуть сюда чем-нибудь посерьезнее...

Унтер-офицер мигом соорудил из брезента и двух винтовок что-то вроде ширмы и прикрыл пламя с той стороны, где находились враги.

– Мы ж совсем маленький, ваше благородие... Холодно так.

– Пусть горит пока, там посмотрим. Нагрянет полковник с проверкой, что делать будем?

Солдаты потупились, я спросил:

– От разведки что слышно? Не вернулись?

Унтер почесал подбородок и сказал:

– С полчаса назад на той стороне пошумели-пошумели, а потом все затихло. Может, сцапали нашего ротмистра?

Другой солдат, кажется, его фамилия была Кислица, в ответ на реплику унтер-офицера буркнул:

– Нашего ротмистра сам черт не сцапает. Он же заговоренный. Правда, господин поручик?

Я поморщился. Когда о ком-то говорили, что он заговоренный, это как бы снимало всякую ответственность с носителя такой репутации. То есть все заслуги и удачи могли приписать этой заговоренности, а если, не дай Бог, человек погибал, то можно было покачать головой и сказать, что, мол, от пули никакая заговоренность не спасет. А наш Феликс был настоящим асом в своем деле. Ему удавалось добывать сведения в совершенно немыслимых ситуациях и всегда возвращаться живым и здоровым. И сохранять жизни своих бойцов. Поэтому солдаты его любили и побаивались, а за глаза называли «нашим ротмистром». Интересно, как они меня называли?

– Ротмистр Карский – прекрасный офицер. Он всегда возвращается, так? – полуутвердительно сказал я.

Солдаты одобрительно покивали, а я бросил:

– Ракету не проспите, бойцы, – и пошел дальше по траншеям.

Мне уже делали выговор за фамильярность с солдатами, но себя пересилить я не мог. Многие из этих людей были гораздо старше и опытнее меня, да и вообще... Не так я был воспитан, что ли? Да и в офицеры попал по большому счету случайно. По крайней мере, я мог быть уверен, что никто из ребят моей штурмроты не выстрелит мне в спину.

Тут я вспомнил про случай в седьмой стрелковой, когда их поручика, который распускал руки без повода, просто не сняли с колючей проволоки, на которой он повис во время атаки. Солдаты просто ничего не сделали...

У пулеметной команды в землянке кипела жизнь. Их главный – вахмистр Перец – мировой мужик, несмотря на фамилию. С фамилиями в нашей штурмроте был вообще цирк. Как говорил Феликс: «Шапито!» Ни одна проверка или просто построение-перекличка в присутствии высших чинов не обходилась без казусов. Кстати, парень с фамилией Казус тоже был.

Я постучал в дверь землянки, услышал хриплое: «Да-а» – и вошел.

Солдаты повскакивали, а вахмистр Перец рявкнул:

– Смир-рна-а!

– Вольно, – скомандовал я, и солдаты уселись по местам.

– Ваше благородие, не хотите бараньей похлебочки?

– Это как это, господин вахмистр? Какая такая баранина? От тыловиков вроде не поступало...

– От них вообще мало чего поступает... Тут вчера цеппелин хутор разбомбил, люди-то в погребах спрятались, а баран вот не уберется. Так хотите?

– А-а, давай.

Я подсел к котлу, взял чистую ложку и зачерпнул варева. Как говорила моя мама, пока горячее – пойдет.

Солдаты рассуждали о войне и политике. Меня им бояться было нечего, я пулеметной команде не начальство, да и вообще... Я мало кому начальство. Заместитель командира штурмроты, поручик, кавалер Серебряного креста четвертой степени. Солидно звучит, а? А по-настоящему – студент-недоучка, закончивший офицерские курсы по ускоренной программе и брошенный на фронт «затыкать дыры».

Солдаты говорили.

– Когда этих побьем, что делать будем?

– Вон Степной фронт с лоялистами не справляется. Небось туда перебросят. Нет, вахмистр, ты вроде умный мужик, можешь мне объяснить, как можно быть такой сухой, как лоялист?!

– Ладно тебе, Панкратов! Хорош кипятиться! Мы здесь с тобой баранью похлебку наяриваем, а лоялисты, небось, сухпай фирменный, оттуда...

– Да хоть икру красную! Нет, я понимаю – Протекторат. Воюют себе и воюют. Как люди. Ясно, где наши, где чужие, кто друг, а кто – не очень. Одно слово – цивилизация! А лоялисты? Вроде ж свои в доску, а ведь хуже зверей! Господин поручик, что скажете?

Я отложил ложку и посмотрел на Панкратова. Это был молодой голубоглазый солдат одного со мной возраста. Волосы коротко пострижены, на щеке – свежий шрам. Наверное, идейный.

– А я вот что скажу, рядовой Панкратов. Мы сейчас воюем за что, как думаешь?

– Как это? За Его Высочество Регента, Святую Веру и Великую Империю! – он так и произнес это все, с большой буквы.

Я заметил, как вахмистр улыбнулся уголком рта и пригладил усы, чтобы скрыть улыбку.

– Рядовой Панкратов, – медленно проговорил я, – не знаю, как вы, а я воюю за то, чтобы мои близкие не голодали, чтобы мы с вами через пару лет могли спокойно работать, и, кроме

того, чтобы ни я, ни вы, ни какой-либо другой наш человек не унижался перед чужим дядей. А обеспечить это все может только, как это? Его Высочество Регент, Святая Вера и Великая Империя, которой пока нет. Но обязательно будет.

Панкратов смотрел на меня непонимающе все время, пока я высказывался, и только под конец, когда я начал говорить, ну, все с большой буквы, он утвердительно кивнул. А потом спросил:

– А лоялисты?

– Ну-у, как тебе объяснить? Лоялисты – это те, кто готов унижаться перед чужим дядей, чтоб сейчас поест фирменный сухпай.

– Я ведь и говорю – сволочи! За ноги людей на опоры вешают...

Тут в разговор вступил Фишер. Он был подносчиком патронов в пулеметной команде, поскольку ни на что другое не годился. Интеллигент до мозга костей, худой, сутулый и с пенсне на носу. Так вот Фишер сказал то, о чем я давно думал:

– Послушайте, – заговорил Фишер, – а ведь там, в окопах у лоялистов, сейчас сидят какие-нибудь парни и точно так же, на точно таком же языке называют нас шовинистами, оборванцами и Бог знает как еще. И вспоминают, что мы людей в синей форме расстреливаем без особой волокиты.

– Так это ж лоялисты! – возмутился Панкратов. – Если синяя форма – значит сволочь, это даже моя бабушка знает!

Фишер почесал макушку и, задумчиво глядя на Панкратова, сказал:

– И свой Панкратов у них есть. Только стрижка у него не короткая, а и ругает он нас почему свет стоит. Мол, имперцы такие-сякие... И бабушка у того, ихнего Панкратова, тоже есть...

Я что-то стал терять нить разговора, встал, кивнул вахмистру и вышел.

Луна выглянула из-за туч, и неверный серебряный свет окрасил траншеи, поле, изрытое воронками, колючую проволоку и все остальное в замогильную цветовую гамму.

Откуда-то со стороны окопов второго взвода неслись звуки песни, я решил пойти послушать. По пути я встретил Стеценко, который сидел на краю окопа и ковырял что-то в подошве ботинка, бубня матерно под нос. Когда он меня заметил, то ругнулся и заявил:

– Пропалил подошву насмерть! Заснул, пока тебя не было... Сучья печка!

Я подумал, что печка моя, и, значит, он сейчас меня назвал сукой. И даже не заметил этого.

Второй взвод пел «Черный ворон». Их было человек десять, они сидели на дне окопа, курили и в перерывах между затяжками подпевали красивому чернявому парню, который чистил ружье. Я сделал ладонью успокаивающий жест, мол, сидите, не надо... Понятно ведь, что каждый раз, как велит устав, козырять проходящему мимо офицеру – это просто праздник для души, но если в окопе хотя бы нет ветра, то стоит встать в полный рост...

Над мое-сю голово-о-ой,
Ты добы-ы-ычи не дожде-ошься,
Черный ворон, я не твой!

Звук взрыва разорвал тишину ночной идиллии и заставил меня пригнуться. На той стороне происходило что-то невообразимое: треск пулеметных очередей, хлопанье винтовок... Вдруг в небо взлетела красная ракета. Секунда, вторая... Ракета взорвалась в небесах, оставив после себя ощущение праздника и две светящиеся точки, которые стремительно приближались к земле. Феликс! Думать было некогда.

– Рота, к бою! – заорал я и побежал по траншеям.

Солдаты, заспанные, выскакивали из землянок и блиндажей, бежали на боевые посты. Суматоха поднялась невообразимая. Я в бинокль попытался разглядеть, что происходит там, на той стороне. Толком ничего не было видно, какое-то мельтешение и общий хаос.

Меня нашел командир роты, капитан Тенегин.

– Поручик! Что за самоуправство?

– Господин капитан... Феликс, то есть ротмистр Карский идет на прорыв. Ракета была.

– Та-ак... Ладно, принимайте командование ротой, – сказал капитан и побежал куда-то.

Я, честно говоря, оторопел. Как это – принимайте командование? Вдруг мне показалось какое-то движение между траншеями. Глянул в бинокль – Феликс! Бежит в полный рост по полю к нашим позициям, стреляет на ходу из револьвера. А где его бойцы?

– Рота! Прикрываем ротмистра! – крикнул я, достал револьвер и стал садить из него в сторону вражеских окопов.

Солдаты защелкали затворами и открыли огонь. Феликс все понял, упал на землю и пополз. Я вылез из окопа и пополз ему навстречу. За мной направился кто-то еще. Я оглянулся – Стеценко. Без ботинка.

Феликс укрылся в какой-то воронке, где-то на четверти пути до наших окопов. Мы ска- тились туда кубарем, и я сразу кинулся к ротмистру. Он был ранен и зажимал руку повыше локтя, чтобы остановить кровь.

– Что? Что? – Я не мог найти слов.

Носовым платком, благо он был чистый, перевязал Феликсу руку прямо поверх одежды и только потом посмотрел ему в глаза.

Ротмистр выглядел ужасно. Лицо почти черное, мешки под глазами, кровоподтек на лбу...

– Что случилось?

Феликс помотал головой и сказал:

– Давай отсюда выбираться.

Мы втроем ползли к окопам, уже грязные до ужаса, и Феликс наконец сказал:

– Всех... Всех потерял...

Я на минуту задохнулся. Семь бойцов-разведчиков, лучшие солдаты бригады – мертвы. Саня-прапорщик, Петров вечно серьезный – все. Что же там все-таки случилось?

В окопах нас встретили солдаты, санитар по-нормальному перевязал рану Феликса. Он глазами что-то искал, потом глянул на меня и спросил:

– Связь со штабом есть?

Я сразу не понял.

– С каким штабом?

– Не дури, поручик! Верховное командование нужно, срочно!

Я соображал секунду, потом сказал:

– Это в бригаду надо.

– Давай, давай, давай... – И мы с Феликсом побежали в штаб.

Как у него сил хватило? До штаба бригады – три километра. Где-то половина пути – по траншеям. Остальная часть – по лесу. Тоже не сахар. Феликса шатало, но он бежал. Видимо, что-то действительно серьезное.

Дежурный офицер, какой-то незнакомый капитан, сначала не хотел нас пускать, но увидев шальные глаза ротмистра, вызвал полковника. Феликс что-то шепнул ему на ухо, тот изменился лицом и достал откуда-то телефонный аппарат зеленого цвета.

– Штаб корпуса? Это полковник Бероев. Мне Верховное командование. Красный! Понимаете, красный!

Красный – это точно нечто настолько серьезное, что я даже не могу себе представить. Когда началось наступление, степень важности была «желтой». Что же тогда сейчас происходит?

Полковник передал трубку Феликсу. Видимо, ему ответили, потому что он вытянулся в струнку и сказал:

– Ваше высочество, говорит ротмистр Карский, разведка пятой сводной бригады. Седьмая имперская армия прорвала фронт, окружив девять дивизий Протектората. Высшее руководство противника готовится к переговорам. Протекторат выйдет из войны. Срок измеряется днями. – Он говорил все это очень четко, без запинки, стоя навытяжку.

После того как ротмистр передал трубку полковнику, он качнулся и обрушился на пол.

Перекладывая его на лавку, я осознал, что где-то потерял фуражку. И что теперь с этим со всем делать?

Глава 2. Дуэль

Знаете, я не люблю кавалеристов. То есть понятно, что они хорошие вояки, и вроде бы как на современной войне без мобильных войск никуда... Но это, наверное, врожденное. Не люблю их форму, их золоченые палаши и, о Боже, их плюмажи на киверах.

Феликс говорит, что это зависть. Мол, девушки чаще обращают внимание на кавалеристов, потому как они выглядят мужественнее. Куда нашим хаки-шинелям до их парадных мундиров с аксельбантами... Хотя сам ротмистр себя не причисляет ни к одному роду войск. Разведка, и все. Кстати, Феликс – герой. То есть не герой, а Герой. Звание Героя Империи ему присвоили позавчера, а наградной крест вручал лично его высочество регент. Но мне не завидно на удивление. Наверное, потому, что он лежит в госпитале, а я нахожусь со своей штурмротой на переформировании. Из нас делают батальон. И, какой кошмар, одной из рот этого батальона буду командовать я. Я – начальство!

Так вот, о кавалеристах. Сейчас двое таких бравых ребят сидели напротив меня и радовались жизни. Будь проклят тот момент, когда мои ноги понесли меня в эту корчму. Мало, что ли, заведений? А теперь сиди и смотри, как хамоватые красавцы с плюмажами на киверах... В общем, на этих красавцев смотреть было противно.

Время от времени я ловил на себе их взгляды, но официант уже принял мой заказ, и просто необходимо было дождаться его.

– Официант! Можно бутылку чегемского? – щелкнув пальцами, возопил один из кавалеристов.

Удивительно, что у нас с ним сошлись вкусы. Я тоже люблю чегемское и заказал бутылку минутой назад.

– Простите, но последнюю заказал господин поручик. – Официант был сух, холоден и корректен и чем-то напоминал вампира.

– А мы заплатим! – сказал второй кавалерист.

– Господин поручик заказал раньше.

– А мы заплатим больше!

Вот почему я ненавижу кавалеристов. Из них так и лезет чувство превосходства. Это так оставлять было нельзя.

– Господа, я сделал заказ и отменять его не собираюсь. – Мне пришлось слегка повысить голос, чтобы они услышали меня через два стола.

Один из кавалеристов приподнялся, чтобы разглядеть меня... Или для того, чтобы я разглядел его погоны ротмистра. Но я решил стоять до конца.

– Господин ротмистр, я не собираюсь отменять заказ.

– Поручик, давай по-нормальному! К чему тебе лишние проблемы?

Кроме кавалеристов, я ненавижу еще, когда незнакомые мне люди считают возможным применять в разговоре такой вот панибратский тон.

– Мне действительно ни к чему проблемы, господин ротмистр. Мне нужен мой заказ.

Официант молча наблюдал за нашей перебранкой. Когда я договорил, он ушел, и через некоторое время у меня на столе стояла бутылка чегемского и все остальное. Кавалерист-ротмистр там, за своим столом, сказал шепотом, но так, чтобы я услышал:

– Ур-род.

Во мне проснулась холодная решимость подождать его после того, как пообедаю. Поэтому я подозвал официанта и сказал ему:

– Отнесите бутылку господину ротмистру. Возможно, это вино поможет ему ощутить себя немного более счастливым. А мне чаю, пожалуйста.

Пьяный человек фехтует на порядок хуже трезвого. А фехтовать нам сегодня явно придется. Дуэльный кодекс предписывает поединки до первой крови, и меня это полностью устраивало.

Там, за «кавалерийским» столом, бушевала буря. Ротмистр был в бешенстве. Наверное, потому, что я его поймел. То есть таким людям, как он, на это наплевать. Главное, чтобы вино было. Но тут ведь был его младший по званию товарищ! И полкорчмы поняло, что я поймел ротмистра.

Я не люблю кавалеристов из-за этого гонора. Как же так, какой-то там поручик-пехота посмел отправить ему бутылку вина с барского стола?!

По правде говоря, на это и был расчет.

* * *

Они ждали меня на крыльце. Только их было не двое, а четверо. Кроме ротмистра с товарищем, тут еще присутствовали два нижних чина – усатые вахмистры. Дело пахло жареным. Хвала Всевышнему, какой-то незнакомый мне премьер-майор в таком родном хаки оказался поблизости и спросил:

– Господин поручик, какие-нибудь проблемы?

– Не знаю, – пожал плечами я. – Господин ротмистр, какие-нибудь проблемы?

Ротмистр скрипнул зубами:

– В соответствии со статьей двадцать семь Дуэльного кодекса я вас вызываю!

– Оскорбление достоинства и чести? – Меня тянуло смеяться. – Это я-то вас оскорбил?

Господин майор, будьте моим секундантом.

Премьер-майор глянул на меня, потом на кавалериста. Он ведь тоже был пехотинцем и потому кивнул, и мы все вместе отправились на пустырь за госпиталем. По традиции все дуэли проходили на этом пустыре. Ближе к медицине – это раз, развлечение пациентам – это два. И место удобное.

Я объяснил майору ситуацию, и он одобрил мое поведение. На пустыре не было никого. Полянка между кустами, которую мы выбрали, вполне подходила для задуманного. Тем более я заметил одну интересную деталь, которая потом могла мне пригодиться.

Кавалерист в это время расстегивал пуговицы мундира. Я снял портупею, повесил шинель на какой-то куст и размял руки. Шашку из ножен доставать пока было рано.

В одной гимнастерке меня пробрало до костей. Ветер продувал насквозь. Однако когда я глянул на своего противника, мне стало смешно, и я забыл про холод.

Под мундиром была дикая кружевная рубашка. Такие, наверное, носили в позапрошлом веке всякие казановы и ловеласы. Но представить в этом наряде нормального офицера было весьма сложно.

Премьер-майор тоже улыбался. Он зачем-то посмотрел на часы и сказал:

– Начнем, господа? Правила известны – бой идет до первой крови или до потери сознания одним из вас. В пах и в спину не бить, лежащего тоже. Приступайте.

Я резко выдернул клинок из ножен и пару раз описал в воздухе восьмерку. Шашку мне делали на родине предков – в горах, так что качество стали и всего прочего было отменное. Палаш ротмистра оказался вызолочен от эфеса до острия и выглядел каким-то несерьезным. Но недооценивать противника не стоило.

Ротмистр атаковал сразу, без прелюдий. Молниеносным выпадом он чуть не достал меня, но я отпрыгнул и парировал. Кавалерист стал наседать, делая короткие, хлесткие удары, не давая возможности контратаковать. Мне приходилось отступать и парировать. Противник был явно опытный и умелый.

Пришлось пустить в ход хитрость, которую я наметил еще до начала дуэли.

Я потихонечку отступал, пока пяткой не почувствовал небольшую ямку, над которой завис мой каблук. Тогда я отпрыгнул и сбил атаку кавалериста. Он, ободренный успехом, ринулся на меня, и, не заметив ямку, споткнулся, потерял равновесие... Я воспользовался этим, полоснул его по кисти правой руки: палаш взмыл в воздух и, задребезжав, воткнулся в землю. Мне удалось провести подсечку, и противник оказался на земле. Пощекотав клинком ему подбородок, я буркнул:

– Достаточно, господин ротмистр?

Он не успел ничего ответить. Послышался свисток, и из-за госпиталя выбежали трое солдат в мундирах саперов и с красными повязками на рукавах. Патруль, так его!

Бежавший следом за солдатами молоденький подпоручик приблизился к нам и проговорил ломающимся голосом:

– Господа офицеры! Прошу немедленно разойтись, иначе мне придется написать рапорт!

Рапорт – значит разбирательство. И хотя дуэль была проведена в соответствии с кодексом, меня затошнило при мысли о возможной бюрократической волоките.

Я отдернул шашку от гладко выбритого подбородка кавалериста и сказал:

– Всего хорошего, господин ротмистр! Удачного дня, господа!

Загнал шашку в ножны, взял из рук премьер-майора, моего секунданта, шинель и накинул ее на плечи.

Уже уходя, я слышал, как ротмистр говорил одному из вахмистров:

– Я бы этого поручика в два счета уделал... если б не патруль! П-пехота, мать его так!

Я зло сплюнул на землю и ускорил шаг. Знаете, я все-таки не люблю кавалеристов...

Глава 3. Клён

В бинокль городок казался симпатичным, ухоженным и безопасным. Я рассматривал ратушу XVIII века и думал о том... что башенка с балкончиком на ней является удобным наблюдательным пунктом или хорошей позицией для снайперской пары. Надо бы раздобыть оптику помощнее...

Городок назывался коротко и ёмко – Клён. Как мне доложили, здесь имелся минеральный источник и раньше был санаторий. Феликс уже успел прошвырнуться к окраинам городка и сказал, что в санатории вроде как расположилась казарма лоялистов. Еще он сказал, что охраняют городок знатно, мышшь не проскочит... Что-то затевают господа в синей форме – к гадалке не ходи.

Я спрыгнул с лафета сорокапятки и засунул бинокль в футляр. Моя рота должна была совершать обходной маневр, и нужно было еще раз убедиться, что все в порядке.

– Стеценко!

– Господин поручик? – Он зевал во всю глотку и не стеснялся.

– Закрой рот!

Стеценко нарочито клацнул зубами и заухмылялся. Потом спросил:

– Слушай, а правда нам оказали великую честь совершить обходной маневр? – И продекламировал:

Двести два солдата и восемь лошадей.
Пушечное мясо для вражьих батарей!

И опять зевнул.

– Подпоручик Стеценко! – Мне начало передаваться его безразлично-расслабленное состояние, и я решил действовать радикально. – Построить личный состав роты на опушке! Раздать всем двойной боекомплект! Десятиминутная готовность!

Стеценко фыркнул, застегнул верхнюю пуговицу и побежал поднимать людей.

Я поковырялся в планшете и выудил оттуда карту местности. Городок Клён располагался на возвышенности над берегом реки. Местность тут была холмистая, изрезанная оврагами. Всяко лучше, чем по чистому полю в атаку идти!

Предстояло еще сообщить людям боевую задачу, а я сам четко не представлял, что и как надо делать.

Полковник сказал коротко. Мол, город будет атакован нашей родной пятой сводной бригадой при поддержке полевой артиллерии. Силами двух рот должен быть осуществлен обходной маневр, с правого и левого флангов. Сия задача поручается на правом фланге седьмой стрелковой роте, на левом – десятой штурмовой, то есть мне. И все. Действуйте, господа офицеры, проявляйте инициативу. Как сообразите, что к чему – доложите в штаб. Вот вам пожалуйста...

Я пялился в карту. С левого фланга, к самому берегу реки тянулся узкий длинный овражек. Заканчивался он метров за пятьдесят от окраины городка. Хоть и неглубокий совсем, метра полтора, и ручей по дну течет, но...

– Посыльный! – Ко мне подбежал невысокий, красивый чернявый солдат. – А-а, рядовой Мамсуров... Сейчас отнесешь эту записку в штаб, полковнику. Потом мигом в распоряжение роты!

Достал листок бумаги и расправил его на планшете. Коротко изложил свои соображения по поводу обходного маневра и сложил листок вчетверо.

– Бегом, Мамсуров, бегом!

Мамсуров убежал. Я пошел к опушке рощицы, где Стеценко уже построил роту. Бойцы зашумели, потом притихли. Стеценко пробежался несколько шагов, остановился передо мной, отсалютовал и рывкнул:

– Личный состав десятой штурмроты построен, двойной боекомплект выдан, господин поручик!

– Вольно, бойцы!

Солдаты расслабились. Слава Богу, мне удалось установить с ними нормальные отношения... Не то чтобы эти две сотни ребят любили меня, нет! Просто мы нашли самый оптимальный вариант сотрудничества – я их по-всякому прикрываю и стараюсь не нагружать сверх меры, они в свою очередь прикрывают меня и подчиняются моим приказам. Ну не был я кадровым офицером, белой костью. Пришлось вырабатывать свои методы командования и взаимодействия с личным составом.

– Вахмистры, унтера, прапорщики, капралы – ко мне! Остальным – разойтись! Костров не разводить, вещи не раскладывать, – скомандовал и потом добавил: – Ребята, выступать, возможно, придется в любую минуту. Так что будьте готовы.

Солдаты зашумели, разошлись. Человек пятнадцать нижних чинов столпились вокруг меня. Я развернул карту на планшете и заговорил, показывая на ней:

– Нашей роте поручено совершить обходной маневр. Задача малоприятная, сами понимаете. Хотелось бы и выполнить ее, и этот день пережить. Так?

В ответ одобрительно забурчали. Я продолжил:

– Видите этот овражек, с левого фланга? Он неглубокий, метра полтора всего... Но вот если удастся по нему подобраться к окраине города, мы свалимся синемундирникам как снег на голову. Двигаться придется медленно, пригнувшись. Почти ползком. Проверьте у бойцов снаряжение, чтоб ничего не звенело и не бряцало. Чтобы у всех были каски. И вот еще – скорострельные карабины подвезли?

– Ждем, господин поручик, – ответил вахмистр Перец, командир пулеметной команды.

– Как пришлют – распределите по взводам, чтобы в каждом хотя бы по три-четыре штуки было. С нашими дурами в городе много не навоюешь...

Вахмистр одобрительно закивал. На самом деле наши винтовки по дальности, надежности и убийности превосходили почти все известные образцы отечественного стрелкового оружия, но вот необходимость передергивать затвор после каждого выстрела значительно снижала скорострельность. А в городских условиях это будет поважнее дальности.

– Ну, вот как-то так, господа. Всем все понятно?

– Так точно, господин поручик!

После того, как все разошлись по своим подразделениям, я присел на землю, облокотившись спиной о ствол молодого клёна. Черт его знает, что день грядущий нам готовит.

Послышался рокот двигателя грузовика. Привезли новые карабины. Я наблюдал, как солдаты разбирают оружие, и тихо радовался двум вещам: патронов, магазинов и карабинов было много – чуть больше сотни стволов с полным боекомплектом. У нас появлялись добавочные шансы на успех.

– Г-господин по-оручик! – прибежал рядовой Мамсуров, раскрасневшийся и шумно дышащий от долгого бега.

– Ну что там, Мамсуров?

– Господин полковник передал ответ. – И протянул мне бумажку, сложенную пополам.

На ней было написано в стиле нашего полковника – очень коротко: «Одобрю, действуйте. Начинаем в пять ноль-ноль».

Я глянул на часы – было 21 час 17 минут. Вечера теперь по-летнему светлые, стемнеет не раньше половины одиннадцатого... Бойцы успеют выспаться.

Отпустив Мамсурова, я прозрачно намекнул нижним чинам на отбой пораньше. Про караулы не беспокоился – с этим проблем не было, да и помощники у меня толковые – один Стеценко чего стоит, хотя и мерзавец редкостный.

Один вопрос не давал покоя: наша бригада вот так запросто расположилась в пяти километрах от городка и никто нас не заметил? Как-то мало похоже на правду... Хотя, мало ли... Полковник у нас, слава Богу, не дурак.

Меня клонило в сон.

* * *

Проснулся ровно в 4 часа 55 минут, как по будильнику. Вокруг уже кипела жизнь – солдаты готовились к бою. Я встал, потянулся, провел рукой по портупее с оружием – шашка и револьвер были на месте.

Неподалеку Стеценко втолковывал что-то паре солдат. Я хотел позвать его, но потом заметил, что у меня дрожат руки. Черт!

Спрятав ладони за спину за спину, я окликнул своего зама.

– Га-аспадин поручик?!

– Командуй выдвигаться к овражку, Стеценко. И поставь в авангард ребят поглазастее.

– А я сам в авангарде пойду, можно?

Я нахмурился. Если потеряю замкомроты – не прошу себе всю жизнь. Но Стеценко парень ушлый и въедливый до тошноты – не подведет.

– Добро. Только аккуратно.

Стеценко побежал отдавать приказы. Я решил, что пойду с пулеметной командой – как раз в центре колонны.

Не дожидаясь приказа из штаба, мы выдвинулись.

Бойцы шагали по мокрой от росы траве, стараясь не шуметь. Где-то неподалеку начинался овражек, и нужно было его не прозевать.

Не прозевали. Солдаты попрыгали на дно, тихо матерясь – ручей оказался довольно глубоким, вода заливалась за голенища сапог и в ботинки. Мои сапоги были повыше солдатских, так что вода внутрь не попала, но грязи помесил знатно. Вахмистр Перец подавал бойцам ящики с пулеметными лентами, те нагружали их себе на спины и уходили в утренний полумрак. Спустили и четыре наших пулемета – два станковых и два ручных. Я помог пулеметной команде и, после того, как передал ящики на руки одному из бойцов, зашагал по дну ручья.

Вдруг небо осветилось зеленоватым светом – ракета! Бригада пошла в наступление...

– Всем пригнуться! Без моей команды из оврага ни шагу! Огонь без приказа не открывать! – шепотом заорал я.

Солдаты передали приказ по цепочке. Сразу стало тише, и двигаться мы стали медленнее.

Первый взрыв разорвал тишину где-то вдалеке. Затем еще и еще – работала полевая артиллерия. Потом к знакомым звукам стрельбы сорокапятков добавились более гулкие и редкие – похоже, лоялисты открыли ответный огонь. Видимо, гаубицы... Черт бы их побрал!

Вдруг колонна замерла.

– Мины! Мины... – пронеслось среди солдат.

Проклятье! Я как мог быстро отправился к авангарду. Солдаты уступали мне дорогу, прижимались к краям оврага.

Ребята уже занимались делом. Двое со щупами обыскивали стенки оврага и дно ручейка. Стеценко подобрался поближе ко мне и сказал:

– Чуть заметил! Там лягушка противопехотная торчала, я уже и ногу поднял, чтоб шагнуть... Еще секунда – и хана мне, десятой роте и обходному маневру. Тьфу! – Потом Стеценко выматерился.

Солдаты извлекли со дна ручейка еще три мины, и мы двинулись дальше. Оставалось метров сто, когда к артиллерийской канонаде прибавились новые звуки – несколько хлестких взрывов, частые винтовочные выстрелы и пулеметные очереди.

– Господин поручик! Что это? – боец по фамилии Панкратов явно нервничал, он постукивал пальцами по цевью карабина.

– Бог его знает!

Но я-то догадывался... У седьмой стрелковой роты не было глазастого Стеценко в авангарде, и, похоже, они напоролись на мины. Тут-то наши синемундирные друзья их и накрыли. Первым желанием было поднять роту в атаку, отвлечь на себя лоялистов... Потом бросил:

– Движение не прекращать, темп не менять. Атакуем только по моей команде!

На другом конце городка и на холмах перед Клёном стрельба не затихала. Похоже, бойня там была в самом разгаре, и сложно было понять, на чьей стороне удача.

Наконец мы добрались до выхода из оврага. Под ногами хлюпало, спина затекла от постоянного движения пригнувшись, бинокль лупил меня в грудь при каждом шаге. Представляю, каково было солдатам.

Я протер бинокль и глянул на здания, которые виднелись сквозь туман. На черепичной крыше одного заметил силуэты нескольких лоялистов, но, похоже, смотрели они не в нашу сторону.

– Рота! Ползком выдвинуться на позиции по линии от того разлапистого дерева до валунов! Пулеметной команде – станковые по флангам, ручные – рядом со мной, по центру.

Указанная мной линия была метрах в тридцати от первых зданий, и я молил Бога, чтобы нас не заметили.

Солдаты ползли по мокрой от росы траве, занимая свои места для атаки. Я скорчился в три погребки за кочкой. Вахмистр Перец с ручным пулеметом, Панкратов с карабином и суетливый подносчик пулеметных лент Фишер составили мой персональный резерв. Мамсуров-посыльный тоже затаился где-то неподалеку. Стеценко орудовал на левом фланге.

Внезапно повисла тягучая тишина. Похоже, лоялисты отбили атаку бригады, и теперь наш полковник перегруппировывал силы. Что было с седьмой стрелковой ротой? Я не хотел об этом думать.

Наконец в голове прояснилось, ритм сердца пришел в норму. Пришло четкое осознание – вот оно – самое время! Я вытянул шашку из ножен, расстегнул кобуру с револьвером и встал в полный рост:

– За веру, регента и отечество! Рота-а-а, вперед!

И помчался к городу.

– Ур-р-р-ра-а-а-а!!! – за мной послышался рев двух сотен глоток и топот сапог по земле. Поехали!

Лоялисты попытались открыть огонь, вроде бы кого-то даже задели. Я выдернул левой рукой револьвер из кобуры и выстрелил на бегу пару раз по силуэтам в синих мундирах. Краем глаза заметил, что Панкратов размахнулся и швырнул гранату на крышу...

Оглушительно грохнул взрыв, и нас обсыпало каменной крошкой и осколками. Сверху упало тело в синем мундире...

Я подбежал к ближайшему зданию и заглянул в окно. Громадный детина в лоялистской форме и заломленном на затылок кепи дергал затвор винтовки. Выстрелил в него из револьвера прямо сквозь стекло, пуля попала в бедро, и лоялист упал. Над ухом раздался еще один выстрел, и грудь синемундирника расцвела красным... Панкратов! Он тут же прикладом высадил окно и забрался внутрь. Я зацепился носком сапога за какой-то выступ в стене и ввалился следом. За нами карабкались еще бойцы моей роты. Слышалась стрельба и грохот в других домах.

Мы с Панкратовым принялись обыскивать здание. Когда поднимались по лестнице на второй этаж, навстречу нам выскочили два лоялиста – один держал наперевес винтовку с прижатым штыком.

Я крутанул шашкой восьмерку, сильно врезав по стволу винтовки и, присев, полоснул синемундирника по голени.

– А-а-а-а-а... – Тон голоса лоялиста с каждой секундой становился все выше...

Панкратов в обнимку со вторым скатился с лестницы, издавая дикий рев и норовя направить ствол карабина на врага. В итоге ему это удалось, и он выстрелил в живот своему противнику. Тот обмяк. Панкратов вскочил, очумело потряс головой и выстрелил лоялисту в голову.

– Чтoб не мучился... – пробормотал он. – А с этим что делать?

– Перевязать, связать, допросить. Займись. Для допроса найди кого из капралов.

Панкратов склонился над «моим» лоялистом. Я утер рукавом пот с лица и стал подниматься по лестнице.

На втором, мансардном, этаже никого не было. Я шашкой подковырнул оконную раму, выдернул ее и вылез на крышу. За трубой можно было укрыться, и решение устроить здесь наблюдательный пункт просто напрашивалось.

Мой бинокль был расколот надвое. Револьверная пуля застряла в одном из окуляров и даже порвала мне гимнастерку. Оказывается, меня чуть не убили... И как я не почувствовал удара? Пришлось его выбросить и рассчитывать только на собственные глаза.

Рота заняла что-то около двадцати домов на окраине города. Похоже, мы навели среди господ лоялистов немалую панику, дальние окраины горели – там ударно поработали сорокапятки. В районе ратуши тоже клубился дым, оттуда слышался какой-то лязг и грохот.

Я наметил позиции для пулеметов – два четырехэтажных здания и водокачка. Надо бы послать кого-нибудь к пулеметной команде, пусть занимают. Последними словами про себя проклиная отсутствие раций, крикнул:

– Эй, там! Посыльного ко мне!

Лоялисты куда-то растворились. Похоже, перегруппировываются. Я не очень-то представлял, что делать дальше, и решил закрепиться в домах. Когда появился посыльный, мысль уже дозрела:

– Бегом к пулеметной команде, пусть занимают те здания и водонапорную башню!

Солдат исчез. Я спустился с крыши и принялся командовать. Солдаты выбрасывали из домов мебель, перегораживали улочки баррикадами. Мы оставили несколько домов и теперь держали квартал с водокачкой по центру.

Позиция была неплохая – подойти к ней можно было только по двум нешироким улочкам или дворами, или с тыла, по тому самому овражку, который использовала наша рота. Можно было довольно долго здесь продержаться, если только гаубицы лоялистов не обратят на нас внимание...

Мимо меня пробежал Лемешев – толковый капрал из второго взвода. Я окликнул его:

– Лемешев! Разведайте там по поводу подвалов, погребов, ну и так далее! Если лоялисты развернут гаубицы...

– Понял. Господин поручик, подкрепление придет?

Ах, черт! Как же это я?!

– Лемешев! Организуй Мамсурова, пускай дует в бригаду за подкреплением!

Капрал козырнул и отправился выполнять приказы. Сколько у нас оставалось времени до тех пор, пока лоялисты не очухаются?

Оказалось – нисколько. Матерная брань, хлопанье выстрелов и какой-то грохот, доносящиеся со стороны одной из узких улочек, дали понять, что короткая передышка закончилась. Синие мундиры мелькали в окнах домов, укрывались за какими-то бочками и ящиками, перебежками продвигались по улице в нашу сторону. С водокачки ударили пулеметы команды

Перца, заставив лоялистов спрятать головы. Мои ребята садили вдоль улицы из карабинов, время от времени показываясь из-за баррикады. Солдаты, засевшие в зданиях, пока не обнаружили свои позиции. Кто там командиром? Вишневецкий? Молодец! Подпустить поближе – и потом гранатами...

К этому времени я забрался на свой наблюдательный пункт на крыше, прихватив винтовку старого образца – дальнобойность могла мне пригодиться. Отсюда было видно, что неприятель накапливает силы в двух кварталах от нас, занимает позиции для броска через дворы. Что происходило на второй улочке, понять было сложно – обзор закрывала раскидистая крона дерева.

Между ветвями замелькало что-то белое. Флаг?.. Раздалось хрипение, повизгивание и вдруг голос из громкоговорителя:

– Господа имперцы! Не стреляйте! К вам идет парламентар! Вышлите офицера для организации встречи! – И так несколько раз.

Я кубарем скатился с крыши и побежал к позициям Вишневецкого. Вездесущий Стеценко пристроился рядом и на бегу пропыхтел:

– Мамсуров ведет три роты по оврагу. Тяни время, через двадцать минут будут...

Я забрался на второй этаж здания, в котором занял позицию подпоручик Вишневецкий. Его усатая раскрасневшаяся физиономия тут же возникла передо мной.

– Господин поручик! Разрешите организовать встречу с парламентаром?

– Организуй мне лучше белый флаг. Сам пойду...

Через минуту он принес мне какую-то белую тряпку, я взял из рук ближайшего бойца винтовку (моя валялась, безбожно забытая, на месте импровизированного наблюдательного пункта на крыше), нацепил на штык тряпку и – о Господь Всемогущий! – заметил, что это дамские панталоны, все сплошь в изящном кружеве!

– Вишневецкий! Застрелю! – рявкнул я.

Со стороны вражеских позиций снова забормотал громкоговоритель, из-за стены показался белый флаг. Я крикнул в окно:

– Эй, лоялисты! Не стреляйте, высылаем офицера! – И ребятам: – Прикройте. Не поминайте лихом.

Схватил винтовку с проклятыми панталонами и бодро спрыгнул на кучу щебня прямо из окна второго этажа. За спиной слышал клацанье затворов – бойцы готовились в случае чего подороже продать мою жизнь.

Разгоняя в голове мрачные мысли, я двинулся навстречу парламентару в синем мундире. Его флаг смотрелся куда как солиднее – нормальное древко с обрывком белой простыни.

Подойдя на расстояние в пару метров, я отсалютовал и сказал:

– Добрый день. Чем обязан?

Лоялист с нашивками уполномоченного вяло махнул рукой и буркнул:

– А, поручик, как будто ты не знаешь...

– Может, и знаю. Но хотелось бы от вас это услышать.

Важная птица мне попалась, вон какие планки на груди, хотя выглядит не намного старше меня.

– Да вот хотел бы обсудить от лица эмиссара Новодворского условия почетной сдачи гарнизона...

Я поперхнулся. Условия сдачи?! Эмиссар Новодворский?! Какого лешего он говорит? А лоялист еще больше вверх меня в ступор следующей своей фразой:

– Дурак он, наш Новодворский. Отбил вашу атаку с холмов и с вашего правого фланга, а основные силы проворонил... Вы, вообще, кто?

– Сводная пехотная бригада. Честно говоря, мы не планировали принимать капитуляцию... – я говорил сущую правду, и думать я о таком не мог, готовились каждый квартал с боем брать.

В глазах вражеского парламентаря мелькнуло какое-то неясное чувство. Он опустил взгляд и с усилием выговорил:

– Послушайте, господин поручик... Поймите, здесь ведь учебный центр, ребята желторотые совсем, только от мамкиной юбки... Два батальона всего ветеранов, так тех вашим обходным маневром, который через холмы, так потрепало, что название одно осталось... Я за нас, командиров, не прошу, я за ребят прошу! Не надо как под Запольем... Они ведь не идейные даже, набрали так, кого попало...

Когда он сказал про Заполье, я понял, в чем дело. Тогда кавалерия захватила в плен три сотни лоялистов и порубила всех саблями. При этом сначала рубили руки, потом головы. Ненавижу кавалерию! А этот суровый мужик просил за своих ребят, новобранцев. Он думал, что мы – главные силы бригады! А мои слова о том, что мы не планировали принимать капитуляцию, он воспринял так, как будто мы не собирались брать пленных! Только новых баск о зверствах имперцев нам не хватало...

И будь я проклят, если не раскручу эту ситуацию насколько возможно!

– Ну что ж, – я постарался говорить как можно более сурово. – Я не уполномочен вести такие переговоры. Могу лишь обещать, что походатайствую перед начальством. Кроме того, уверяю вас, мои подчиненные не тронут пленных.

Лоялист посмотрел на меня благодарно.

* * *

Через два часа подошедшие на помощь к нам роты разоружали лоялистов. Потрепанная бригада входила в город. По итогу мы взяли в плен около четырех тысяч недообученных рекрутов и еще три сотни закаленных в боях вояк.

Я смотрел на солнце и жмурился. Как же это так вышло, что штурмроту приняли за основные силы бригады? Лоялистские командиры да и давешний парламентар скоро поймут, что дико ошиблись, и проклянут тот день, когда родились на свет...

Перед моими глазами мелькнуло что-то белое, и до боли знакомый голос сказал:

– Э, герой-дипломат! Пока товарищи кровь проливают, он тут панталонами размахивает! Цирк-шапито какой-то! Непорядок, поручик!

Это был Феликс с романтично перевязанным лбом и той самой тряпкой в руке.

– Уверен, этот случай занесут в учебники. А панталоны твои в музей войны поместят! – сказал он и помахал у меня перед носом изящными кружевами.

Глава 4. Капель

С черепичных крыш зданий барабанили крупные капли талой воды, добавляя шаловливые нотки в четкий ритм походного марша. Рокотал барабан, ротный флейтист старался вовсю, выводил мелодию. Солдатские сапоги дружно топтали чуть сыроватую землю дороги.

– Эй, ты чего такой кислый? – Феликс смотрел сверху вниз, с седла.

Под ротмистром выплясывал красивый серый жеребец с короткой гривой и выразительными глазами.

Я устало махнул рукой. На душе было тяжело, хотя ясной причины этому не наблюдалось.

– Смотри, день какой!

Феликс тронул поводья, и конь с места взял в галоп, оставив после себя небольшую радугу в поднятых копытами брызгах из лужи.

Денек и правда был хоть куда: настоящий, весенний. Я видел, что люди как-то приободрились, исчезла эта гнетущая атмосфера, которая царила в моей штурмроте весь февраль и март. А у меня в голове витали какие-то нехорошие предчувствия, смутные и неясные.

Издали, обернувшись в седле, ротмистр Карский крикнул мне:

– Эй, пехота! Я вперед, найду вам местечко потеплее, чтоб задницы себе не простудили!

Солдаты одобрительно погудели ему вслед. Любят они Феликса – он же у нас герой. А меня? Любят меня солдаты?

Колонна двигалась по обочине дороги. Сутулая фигура Стеценко отделилась от строя и двинулась мне навстречу.

– Поручик! – сказал он, закуривая. – Вот я тебя никак не пойму... Зима была, в окопах мерзли, жрать было нечего – ты ходил, улыбался, анекдоты травил. Сейчас солнышко, теплынь – а ты пасмурный, как тот филин. А?

Я задумался о том, почему филин может быть пасмурным, потом тряхнул головой и ответил:

– А, не бери в голову. Лучше подумай, где солдат разместим.

– Так ротмистр Карский вроде...

– Ну да, ну да... А если ночевать в поле придется? Без палаток у нас полроты завтра легкие выкашливать будет. Бегом в обоз, узнай про палатки.

Стеценко мрачно глянул на меня, выплюнул папиросу и сказал:

– Язва ты, поручик. Докурить не дал, тьфу на тебя, – он махнул рукой и пошел в направлении, противоположном движению колонны.

Я ухмыльнулся и вспомнил старую армейскую мудрость: «Чем бы боец ни занимался, лишь бы задолбался». Пускай в обоз сходит, вреда в этом никакого не будет, а вопросы дурацкие от него закончатся.

Я, придерживая пашку на боку, побежал вдоль колонны на положенное мне место – в авангард.

Ротный штандарт вяло полоскался на ветру, флейтист с барабанщиком пока не играли, отдыхая. Небольшой городок, через который мы проходили, был нейтральным, лоялистов здесь замечено не было, и слава Богу. Процедура зачистки города «от чуждых элементов» весьма малоприятна... Хотя наше командование принципиально придерживалось политики «чистых рук», и лица, чья связь с противником не доказана, никаким репрессиям и не подвергались, я думаю, мало кому понравится, когда в дом врываются десяток солдат и переворачивают все вверх дном в поисках синеmundирников или доказательств сотрудничества с врагом хозяев дома. В прифронтовой полосе это было обычным делом и тем более на только что занятых территориях.

Из окон выглядывали девушки и строили глазки солдатам. Волей-неволей мои бойцы отряхивались, подтягивались и старались выглядеть как можно более браво.

Ко мне подбежал капрал Лемешев и козырнул:

– Господин поручик, разрешите...

– Говорите, Лемешев.

– Тут такое дело... – он замялся. – Этот городок называется Тренчин, я родом с хутора неподалеку...

– Ну и? Отпроситься хочешь?

– Невеста у меня недалеко живет, за следующим перекрестком, господин поручик...

– Ну, так давай бегом к ней, Лемешев! Чего стоишь? Давай-давай! – Глядя на счастливую спину бегущего Лемешева, я крикнул ему вслед: – С утра чтоб нашел роту и явился ко мне!

Барабанщик с флейтистом понимающе улыбались, я, собственно, тоже.

Когда мы проходили мимо следующего перекрестка, я увидел, что на крыльце кирпичного двухэтажного дома Лемешев вовсю целуется с какой-то симпатичной светловолосой девушкой. Солдаты загомонили, раздались смешки, но тут Панкратов из пулеметной команды крикнул:

– Лемешеву – ура!

– Ура, ура, ура-а-а!!! – откликнулась рота.

Лемешев, очумелый и счастливый, оторвался от улыбающейся невесты и помахал нам рукой.

Барабанщик взялся за палочки, флейтист поднес флейту к губам и, переглянувшись, они снова завели походный марш.

Мы выходили из городка по дороге, петляющей между полями, на которых зеленели озимые. На душе было радостно.

* * *

– Гляди, что я присмотрел! – сказал Феликс, указывая рукой на раскинувшуюся на пригорке усадьбу. – Там флигель большой, солдаты поместятся, а офицеры в доме заночуют. Управляющий – из сочувствующих. Обещал даже ужин с хозяйкой организовать. Пани Бачинская вроде как молодая и очень даже хорошенькая, вот как!

Я удивленно покачал головой:

– Знаешь, ротмистр, ты продолжаешь меня удивлять своими талантами.

Феликс приосанился и сказал:

– Во-от! Цени! Чтоб ты без меня делал?

– Спал бы в палатке, вот что, – буркнул я и зашагал к усадьбе.

Солдаты уже располагались во дворе. Поставили винтовки в козлы, кто-то сушил портянки, другие разожгли костер и варили что-то в большом котле. Панкратов, мой старый знакомый, развалился на копне сена, положив руку под голову и пожевывая травинку.

Я расстегнул одну пуговицу на воротнике, оглядел двор и, приметив поленницу рядом с разобранным станковым пулеметом команды вахмистра Перца, направился туда, намереваясь присесть и вытянуть ноги.

Сидя на поленнице, я хорошо видел большой белый дом с колоннами и массивным балконом над входом. В какой-то момент на балконе появилась стройная фигурка в платье. Хозяйка?

Опершись на перила, молодая женщина осмотрела двор, остановилась взглядом на мне, а потом как-то изящно развернулась и упорхнула в дом.

Через секунду офицеров пригласили осмотреть комнаты для ночлега. Я повосхищался настоящей кроватью с матрасом и резными ножками, бросил вещмешок в угол, сполоснул лицо

в умывальнике, глянув в зеркало на недельную щетину, провел рукой по щеке, хмыкнул и отправился искать ужин.

Ужин нашел меня сам. Пани Бачинская прислала управляющего пригласить господ офицеров отужинать. Я отправился за управляющим, на ходу разглаживая форму и приводя себя в божеский вид.

– Кавалер ордена Серебряного креста, господин поручик... э-э-э... – управляющий замялся, не зная, как меня представить.

Я отодвинул управляющего, как можно более искренне улыбнулся и сказал:

– Здравствуйте!

Пани Бачинская как-то незаметно перехватила инициативу в свои руки, рассадил всех за стол, причем Феликс оказался по правую руку от обаятельной хозяйки, а я – напротив. Я откровенно наслаждался вечером – еще бы! Домашняя еда, молодое вино и симпатичная пани, которая смеялась над сомнительными шуточками Феликса, внимательно слушала байки Вишневецкого и поглядывала на меня своими светло-кариими глазами.

Я совсем разомлел от выпитого вина. Или от взглядов пани Бачинской? Скорее всего, от того и от другого. Я уже полгода не видел таких симпатичных и ухоженных молоденьких женщин, а пани, кроме этого, обладала обворожительной улыбкой и приятным голосом.

Вишневецкий играл на рояле, хозяйка под аккомпанемент исполнила несколько произведений. В основном – дремучая лирика, которую я не очень-то жаловал. Однако после полугода маршей и строевых песен ее голос показался мне ангельским. Что-то такое защемило на сердце, появилось смутно знакомое чувство, как будто я упускаю что-то очень важное, значимое...

После ужина все вышли на балкон. Солдаты внизу жгли костры, пели. По-хорошему нужно было проверить караулы. Мне стало жалко своих разомлевших подчиненных, и я, оставив Стеценко и Вишневецкого в доме, отправился к бойцам. Когда я спускался по лестнице, пани Бачинская, стоявшая рядом с Феликсом, послала мне воздушный поцелуй и сказала:

– Доброй ночи, поручик!

Я козырнул по привычке, потом понял свою оплошность, улыбнулся и сказал:

– Доброй ночи, пани. Спасибо за гостеприимство от меня и от солдат.

Я гулял под весенними звездами, переговаривался с караульными и думал о пани Бачинской. И потом, когда лежал в настоящей постели, пятый раз за полгода, тоже думал о ней.

* * *

Подснежники нашлись у стены флигеля – пять нежно-фиолетовых цветочков. Какого черта я решил сорвать их и подарить очаровательной хозяйке – не знаю...

Поднимаясь по лестнице к ее комнате, я думал о том, как со словами благодарности подарю цветы и скажу какой-нибудь очередной корявый комплимент. Наверное, ей часто говорят комплименты...

Дверь спальни пани Бачинской тихонько отворилась, и оттуда выскользнул Феликс, на ходу заправляя рубаху в галифе и застегивая китель. Он что-то насвистывал себе под нос, сбега по лестнице, и удивленно воззрился на меня, остановившись.

– Ты чего здесь? – как-то неуверенно спросил он.

– А... На балкон хотел выйти... – Я смял за спиной подснежники в кулаке.

– Так это тебе другая лестница, слева от входа... – И он быстро сбежал вниз по лестнице. Я стукнул кулаком с подснежниками в стенку. Ну надо же! Чего уж тут непонятного.

Глава 5. Склад

Проклятая слякоть забивалась за шиворот, в сапоги, в перчатки, в душу.

Ненавижу март. Сначала оттаает, поманит почти летним солнцем, а потом снова лед хрустит на лужах, стылость пробирает до костей. Но марку приходилось держать – боевой дух моей штурмроты упал гораздо ниже ртутного столбика на термометре.

Четвертый день мобилизованные в лоялистском городке подводы вывозили нас из окружения. Первые два дня все было терпимо – лошадки резво бежали по твердой замерзшей дороге, лоялистов не попадалось, мы делали по 30–40 верст в сутки. На третий день снова ударила оттепель, и начали заканчиваться припасы. Где их взять, эти припасы, когда вокруг только сожженные синемундирниками хуторки или укрепленные пункты с гарнизонами?

– Господин поручик, разрешите обратиться? – Фишер из пулеметной команды соскочил со своей телеги и поджидал меня на обочине.

– Обращайтесь, Фишер, – вяло махнул рукой я.

– У пулеметной команды закончилась тушенка. Крупы совсем нет, с сухарями тоже проблемы. В других подразделениях ситуация не лучше.

Я потер лоб ладонью. Если уж интеллигент Фишер обратился с таким монологом, значит, всё – наши дела оставляют желать лучшего.

– Спасибо, Фишер. Вы свободны, – сказал я, и солдат побежал догонять телегу с пулеметной командой.

Я пытался найти какой-нибудь выход из ситуации. Выход был только один – найти еду и крышу над головой.

– Стеценко! Карту! – потребовал я.

Он сидел свесив ноги на другом краю телеги и начал рыться в планшете, бурча при этом:

– Жрать нечего, ноги мокрые, командир ругается – отлично день проходит, знаете ли!

Но карту все-таки нашел и даже развернул на нужном месте.

– Вот, мы здесь, – сказал Стеценко.

Я впился взглядом в это произведение военной топографии и сразу мысленно вычеркнул в голове несколько возможных мест. Потом мой взгляд наткнулся на проселочную дорогу, ведущую, судя по карте, в глубь леса и там прерывающуюся.

– Так. А это что такое? – вслух проговорил я.

Стеценко переполз ко мне, посмотрел, куда на карте указывает мой палец, и небрежно так сказал:

– Пф-ф, это старая контрразведка перемудрила. Базы тактического резерва отмечать на карте нельзя, а дорогу к ним можно. Вот умора, а?

Ничего себе умора – база тактического резерва! Так! Это выход!

– Ро-ота, слушай мою команду! – поднялся во весь рост на телеге я. – Через пять верстов столбов будет поворот направо. Сворачиваем!

Солдаты на телегах загомонили, оживились, получив четкий приказ. Лошади пофыркивали, пытаясь быстрее протащить телеги по дорожной грязи.

Поворот мы чуть не проворонили. Никакого указателя, так – две колеи, и все.

– Оружие к бою! Первый взвод – в головной дозор! – командовал я.

Подбежал Вишневецкий:

– Господин поручик, что там такое?

– Если повезет – все, что нам нужно. Если не повезет – лоялисты. А скорее всего, – и то, и другое.

– Понял, – сказал он и убежал к своему взводу.

Солдаты спрыгивали с телег в грязь и мокрый снег, тихонько матерились, готовили оружие. По моим расчетам, база располагалась за ближайшей рощей, и поэтому двигаться нужно было осторожно.

Скоро прибыл посыльный из дозора – рядовой Мамсуров. Мамсуров вообще часто бывал посыльным, бегал быстро.

– Господин поручик, там... – Мамсуров задыхался от быстрого бега. – Там десятка четыре лоялистов! Жратвы у них – во! – солдат сделал жест пальцем по горлу.

На секунду повисла мертвая тишина. Бойцы переглядывались, а потом защелкали затворами винтовок, зашумели и стихийно двинулись в сторону базы.

Командиры охрипли строить солдат в боевые шеренги, пытались придать упорядоченность неожиданному порыву.

Лоялисты нас не ждали. Первыми же залпами была сметена охрана ворот, потом солдаты ворвались внутрь, прикладами, кулаками и штыками раскидали синемундирников и в общем порыве бросились к дверям склада – длинного здания с железной крышей.

Вахмистр Перец из пулеметной команды грозным рыком остановил бойцов, и они расступились, дав пройти мне и Стеценко. Все-таки остатки дисциплины у них сохранились.

Кто-то из бойцов протянул мне связку ключей, и мне удалось подобрать подходящий. Замок клацнул, тяжелые створки отворились, и бойцы хором ахнули.

Стеллажи, заставленные банками с тушенкой, консервированными фруктами и овощами. Ящики с галетами, крупой, яичным порошком. Сыры на верхних полках, свисающие с потолка копченые окорока и колбасы. Вино в бутылках, спирт в канистрах, шоколад в плитках. У меня в голове помутилось, а в животе заурчало, когда я взглядом обвел эти райские чертоги!

– Хватит на всех! – заявил я. – Вахмистр, организуйте раздачу продуктов питания немедленно!

Своими словами я, видимо, предотвратил солдатский бунт, бессмысленный и беспощадный.

* * *

– Часовые... Э-э-э... – Стеценко лежал на груди мешков, его расстегнутая шинель была в крошках от галет, рядом валялась вскрытая банка тушенки, в руке он сжимал почти пустую бутылку вина. Вдруг он запел: – Ча-а-асовой услышал, выстрел дал! В команде сделалась трево-о-ога, на фрунте пробил барабан...

– Стеценко! Что часовые, я спрашиваю?

Я сам тоже выпил, но немного – грамм пятьдесят спирта для профилактики простудных заболеваний.

– Бдят! – сказал Стеценко и всхрапнул.

Я пнул его в подошву сапога, но Стеценко не отреагировал. Ну и черт с ним.

Сейчас вся моя штурмрота представляла из себя нечто подобное, нас можно было взять без единого выстрела, тепленькими. Я вышел на улицу и подошел к курящему здесь же Вишневецкому – он, наверное, единственный, кроме меня, был адекватным сегодня.

– Останемся здесь на пару дней? – спросил Вишневецкий.

– Останемся. Только этот бардак надо будет прекратить, завтра же.

Вишневецкий кивнул, и мы с ним пошли в обход склада выполнять обязанности часовых, которых и в помине не было.

* * *

Первым их заметили караульные, которые ближе к обеду вылезли-таки на крышу и осматривали окрестности, покуривая шикарные папиросы из запасов тактического резерва.

Когда я взобрался наверх, чтобы разобраться в ситуации, мне стало не по себе. В каком-нибудь километре от нас по дороге тянулась огромная колонна беженцев. В бинокль я разглядел детей, женщин. Мужчин почти не было, по крайней мере, я разглядел только пару стариков – во главе.

Видимо, нас тоже заметили, поскольку колонна остановилась, и к нам направился как раз один из этих седобородых старцев.

– Рота, в ружье! – закричал я.

Солдаты забегали, пытаясь найти свое оружие и оправиться после вчерашних обильных возлияний и сытной пищи.

Через несколько минут бойцы рассредоточились, заняли позиции у окон, за забором, на крыше. Я и заспанный Стеценко пошли навстречу старику, который нерешительно остановился метрах в пятидесяти.

Старик близоруко щурился, пытаясь разглядеть нас. Видимо, ему это удалось, поскольку он приосанился, поправил свой изрядно потертый полушубок и сказал:

– Ну слава те, Господи, имперцы! – при этом «имперцы» он произнес с ударением на первом слогe. – А я-то уже думал... Господин поручик, разрешите обратиться?

Дедок явно служил в молодости, выправка у него была будь здоров!

– Обращайтесь, – улыбнулся я.

– Там, – он указал за спину, – две тысячи людей, мы из Перепутья бежим от башибузуков уже вторую неделю. Ни еды, ни теплой одежды толком нет, а что было – все в ход пошло. Господин поручик, там дети малые... Помогите, чем сможете? Я ж не для себя прошу...

Стеценко только фыркнул за моей спиной, а я повернулся, шикнул на него, а старику сказал:

– Что уж тут... Поможем, чем сможем. Заворачивай сюда свою колонну.

* * *

Я оглядел пустой склад и пнул носком сапога картонную коробку из-под галет. Если честно, мне было немного жалко всего того изобилия, которое перло здесь из всех углов еще вчера вечером.

Но оно того стоило! На всю жизнь запомню ту девочку лет пяти, которая уплетала за обе щеки тушенку с галетами, а потом посмотрела на меня и сказала: «Спасибо, дядя офицер!»

Эти люди были нам благодарны настолько, насколько это вообще было возможно. Сначала солдаты хмурились, отгружая ящики с припасами, но потом, ловя благодарные взгляды женщин, оттаяли и даже помогали организовать кормежку всей этой массы народа.

В животе у меня заурчало – все-таки не ел с утра, замотался и как-то забыл про еду. Я развернулся на каблуках и зашагал к выходу из склада.

– Господин поручик! С нами перекусите?

На каких-то тюках сидели солдаты во главе с вахмистром Перцем и чем-то хрустели. Я подошел к ним, достал из кармана фляжку со спиртом и сказал:

– Предлагаю культурный обмен, бойцы.

– О-о-о, – ребята оживились, и несколько рук протянули мне сухари.

– Из старых запасов? – спросил я и захрустел сухариком.

А что? Нормально!

Глава 6. Преторианцы

– Огонь! – крикнул я, разрывая легкие.

Окопы полыхнули залпом, а потом зачастили, захлопали одиночными выстрелами. Я ловил в прорезь прицела чужой винтовки синие мундиры и стрелял, стрелял... Свистнула пуля. Пришлось пригнуться, и вовремя – по брустверу простучала пулеметная очередь.

– М-мать! – ругнулся я. – Откуда у них пулеметы?!

Стеценко скрючился у стенки окопа, костяшки пальцев у него побелели – он мертвой хваткой держал револьвер в одной руке, а другой пытался расстегнуть верхнюю пуговицу гимнастерки.

– Ручные, с дисковым магазином. Альянс, паскуды, несколько вагонов этого добра синемундирникам прислали. – Мой зам приподнялся, пальнул пару раз из револьвера и спрятался обратно в окоп. – Теперь они нам вставят!

– Еще посмотрим, кто кому вставит, – неуверенно сказал я и, пригнувшись, побежал по линии окопов в блиндаж.

Черт бы подобрал этот полустанок, эту железнодорожную развилку и лоялистов, которым она позарез необходима!

Когда я вошел в блиндаж, снаружи грохнуло, мне на фуражку и шинель посыпался песок. В углу солдат-связист ковырялся в рации.

– Боец! Связь есть?

– Минуту, господин поручик!

– Позовешь меня, я сверху буду.

Я развернулся на каблуках и вылез наружу. Ох, мать-перемать! Лоялисты снова шли в атаку.

Под прикрытием нескольких броневикулов, которые поливали наши позиции огнем из пулеметов, густые цепи синих мундиров продвигались к нашим окопам.

– Ро-ота! Гранаты – товсь! – заорал я и бегом побежал к расположению пулеметной команды на правом фланге.

– Вахмистр! Прекратить огонь! – приказал я.

Вахмистр Перец удивленно выпучился на меня, но дал отмашку своим пулеметчикам.

– В чем дело, поручик?

– Всем укрыться в окопах! Подпустим их поближе. Мамсуров, раздать бутылки с зажигательной смесью!

Чернявый боец, исполняющий обязанности посыльного, рванул за бутылками. На несколько секунд над окопами моей роты повисла тишина. Я помедлил, глядя, как солдаты разбирают гранаты и коктейли. Уже слышались выкрики лоялистских командиров, рокот моторов броневикулов.

– Ну, с Богом, – проговорил я, и потом уже гаркнул во всю глотку: – Дава-ай!

Одновременно с бойцами поднялся в окопе в полный рост и приложил винтовку к плечу.

– О-огонь!

Что-то около пятидесяти человек в синих мундирах оказались в наших окопах. Завязалась рукопашная. Какой-то рябой лоялист кинулся на меня, на ходу дергая затвор. Я видел грязь на штыке, трясущиеся пальцы своего врага... Отшвырнув бесполезную винтовку, кинулся ему под ноги, повалил, принялся выкручивать винтовку у него из рук. Он пару раз больно пнул меня ногой, а потом я отпрянул, дернул из кобуры револьвер и выстрелил ему в грудь.

К этому времени все закончилось. Я попытался отереть грязь с лица рукой, но только больше запачкался. На поле перед окопами горели уже четыре броневикула, лоялисты откатыва-

лись на свои позиции, не заботясь о мертвых и раненых товарищах, синие мундиры которых покрывали пространство перед окопами.

Бойцы выбрасывали трупы врагов из траншей, перевязывали раны. Фишер из пулеметной команды накрывал тела погибших соратников брезентом. Мы потеряли восемь человек.

– Господин поручик, вас вызывают! – крикнул связист из блиндажа.

Ну надо же! Как они вовремя, однако. Через минуту я был у рации.

На связи был незнакомый мне полковник по фамилии Барковский. Он кричал очень громко, но из-за помех и стрельбы я его еле слышал:

– ...до прибытия состава на полустанок!.. любой ценой, слышите! Обеспечьте выгрузку личного состава частей особого наз... полустанок до последней капли крови!

Я закатил глаза: любой ценой, до последней капли крови... Как меня все это достало! Но части особого назначения – это хорошо. Я их в деле не видел, но, по слухам, они ребята серьезные. И называются как-то интересно, на римский манер...

Снаряд рванул совсем рядом, и из окопов послышались крики – зацепило кого-то из бойцов.

– Санита-а-ар! – заполошно орал кто-то.

Я выскочил из блиндажа, суматошно огляделся, отметив краем глаза покосившееся здание полустанка на фланге нашей линии обороны, жмущихся к стенкам окопов солдат, задранное вверх покоруженное дуло пулемета и иссеченный осколками кустарник между нашими позициями и позициями лоялистов.

И как нам было обеспечить выгрузку?

– Вишневецкий!

– Я! – Молодой комвзвода возник как из-под земли.

– Бери своих людей, пару пулеметов и дуй к полустанку – укрепитесь там, зря не высовывайтесь. Мы ждем подкрепление, нужно продержаться, пока не прибудет поезд!

Вишневецкий кивнул, козырнул, а потом спросил:

– Господин поручик, а когда он прибудет?

– Надеюсь, что скоро, Вишневецкий, очень надеюсь...

Я видел, как он, пригнувшись, бежит к своим людям, по пути рассказывая всем о подкреплении, как приободряются солдаты. Пожалуй, оставлю на него роту в случае чего... В случае чего? Тьфу ты, что за напасть в голову лезет?

Пришлось быстро перемещать линию обороны, учитывая потребность прикрыть полустанок, да и тот факт, что гаубичная батарея лоялистов здорово пристрелялась по нашим позициям, тоже.

Вторая линия была хлипкой: неглубокие окопы, еле-еле укрепленные мешками с песком пулеметные гнезда. Ни тебе блиндажей, ни «лисыих норок» – беда, в общем.

Хорошо, что лоялисты дали нам передышку. Не знаю, что у них там происходило, а может, мы их просто сильно потрепали, но позиции рота сменяла в довольно спокойной обстановке.

Долго отдыхать нам не дали. Заняв позицию в окопе, я в бинокль наблюдал нестройные ряды синемундирников, приводящих себя в порядок под прикрытием небольшой рощицы. До нас доносился рокот моторов – значит, броневики были все еще здесь. И за холмами на горизонте не дремала гаубичная батарея.

Лоялисты пошли в атаку под прикрытием огневого вала – гаубицы лупили метрах в пятидесяти перед первыми рядами синих мундиров. На удивление огонь прекратился недалеко от наших окопов. Я не сразу понял, что они боятся повредить железнодорожное полотно, берегут коммуникации для себя!

Артобстрел закончился, но легче не стало: до нас добралась их пехота. Мы просто не успели остановить огнем наступающего противника, и на наших позициях завязалась руко-

пашная схватка. Я вытянул шашку из ножен и, наметив себе вражеского сержанта с саперной лопаткой в руке, бросился в атаку.

Следующие несколько минут слились для меня в бесконечное багровое мгновение, которое закончилось пронзительно-звонким свистком паровоза.

Поезд мчался сквозь пелену дыма и грохот взрывов на всех парах. Два самолета прикрытия, сопровождающие состав, сделали вираж и, нарисовав кровавый пунктир огнем своих пулеметов, проредили цепи атакующих лоялистов.

С лязгом и грохотом состав остановился у полустанка, двери вагонов открывались, оттуда выпрыгивали какие-то люди...

На нас пошла новая волна атакующих. Моя рота ответила залпами и гранатами, которых почти не осталось, штыками, прикладами и кулаками...

В какой-то момент мне показалось, что мы дрогнем. Слишком уж много было синих мундиров, слишком сильно устали мои бойцы... Страхнув с шашки капли крови, я оглянулся и остоленел!

Стройные ряды, черная форма, ротные штандарты реют на ветру. На рукавах – череп и кости, в глазах – молнии и громы, на лицах – решимость, вера и преданность. Преторианцы! Личная его высочества гвардия! Лоялисты тоже заметили нового врага и один за другим стали покидать поле боя.

Офицер – усатый, в зубах сигара – прошелся вдоль строя преторианцев, взмахнул сверкающей саблей, и рокошующим, поставленным голосом скомандовал:

– Когорта! С песней! Ма-а-арш!

Грохнули сотни сапог, преторианцы двинулись вперед: оружие наизготовку, шаг ровный. Впереди – песня:

Из Империи могучей,
От великой от Янги,
Молчаливой грозной тучей
Шли имперские полки!¹

Они так и шли, печата шаг, не обращая внимания на выстрелы и взрывы. Крепкие глотки пели-орали полные мрачной решимости слова этой песни:

Их сурово воспитала
Мать – холодная тайга,
Бури грозные Свальбарда,
Мангазейские снега.

Два броневика выкатились из-за леса, попытались развернуть свои башенки, залить свинцовым дождем колонны преторианцев – куда там! Связки гранат, ручные пулеметы – дымят броневики.

Мои бойцы как-то собрались, оправались. Я неожиданно для себя рывкнул:

– Рота, стройся!

Бойцы стали плечом к плечу.

– Р-равняйся! Смир-р-рна! Шагом марш!

А впереди преторианцы ворвались на позиции лоялистов, крушили, ломали, сметали все на своем пути...

¹ В тексте использованы использованы мотивы различных дореволюционных и белогвардейских вариаций «Марша сибирских стрелков».

Эх, Империя родная!
За тебя ль не постоим?
И заморским дальним странам
Мы привет передадим!

Мы подошли в тот момент, когда лоялистский штаб пытался удрать на легковых автомобилях, а гаубичная батарея прямой наводкой начинала обстреливать потерянные позиции. Мы видели артиллеристов в синих мундирах, здорово попортивших нам кровь, видели и слышали залп из сотен винтовок вслед штабной автоколонне и вильнувшую в кювет последнюю машину...

– Цепью! В атаку! Бегом марш! – проревел офицер-преторианец, и, постепенно ускоряясь, парни в черной форме устремились к вражеской батарее, к автоколонне с разбитыми стеклами и спущенными шинами. Я запоздало повел роту в обход артиллерийских позиций. Мои ребята уже в один голос с преторианцами пели-орали:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда!
Офицерские заставы
Занимали города!

Лоялисты стреляли хорошо, но остановить черную лавину не могли. Да и мы подоспели вовремя – ударили во фланг и сбили их охранение.

Ревели преторианцы, сбрасывая под откос холма гаубицы, безжалостно добивая раненых и опрометчиво сдавшихся в плен врагов. Мои ребята уже уверенно подхватили:

Знай, страна, в лихие годы
В память славной старины
Чсть великого народа
Отстоят твои сыны!

А я устало сел на мешок с песком, оставшийся от ретраншемента позади оружейных позиций, и, сняв фуражку, отер лицо. Это великолепно, но так не воюют!

Глава 7. Оккупанты

Пуля срикошетила от каменной кладки и подняла фонтанчик пыли у меня под ногами. Они загнали нас в какой-то цех заброшенной фабрики и не давали высунуть носа.

Незнакомый корнет скрючился за покрытым ржавчиной прибором непонятного назначения. Он щелкал барабаном револьвера и шевелил губами, то ли повторяя слова молитвы, то ли матерясь.

Я попробовал выглянуть из окна с разбитыми стеклами. Раздался выстрел, и у меня с головы слетела фуражка.

– Твою мать!

– Что, ваше благородие, крепко нас здесь прижали? – Третий товарищ по несчастью, ефрейтор-сапер, был безоружен, но присутствия духа не терял.

– Прижали... Все выходы под прицелом держат!

– Да какие тут выходы? Ворота вот эти и дверца, через которую мы сюда попали! Может, через завод попробуем?

За окном началось какое-то шевеление, я резко высунулся, пальнул пару раз из револьвера в движущиеся фигуры и спрятался. Сапер подал мне продырявленную фуражку, я отряхнул ее от пыли, вдохнул глубоко и сказал:

– Можно и через завод. Если только нас там не ждут. – Я еще раз вдохнул и сморщился: – Чем так воняет?

Сапер сделал пару движений ноздрями:

– Трупом воняет. Давнишним, – потом махнул рукой и, пригибаясь, когда бежал мимо оконных проемов, направился к двери, которая вела в основной корпус завода.

Корнет посмотрел на меня совершенно безумными глазами:

– Они нас убьют? Они нас повесят за ноги? Поручик, не молчите! Поручик, почему они нас так ненавидят? Почему они нас хотят убить?

Его кавалерийский мундир был испачкан и порван в нескольких местах, высокие сапоги потеряли положенный блеск и были покрыты толстым слоем пыли.

– Мы для них – оккупанты. Им не за что нас любить, – ответил я. – В этом городе никогда не было имперской власти. Ни-ког-да.

– Какого черта тогда мы здесь делаем, а, поручик? – корнет был совсем плох, и с этим надо было что-то делать.

– Какого черта? Выполняем приказ его высочества, корнет! – Я повысил голос: – Вста-ать! Смир-рна! Повторите присягу военнослужащего вооруженных сил Империи!

– Я торжественно клянусь чтить и защищать... – начал он.

Я привалился спиной к стене и начал считать патроны. Корнет закончил повторять слова присяги:

– ...то пусть меня покарает Бог и имперские власти, на верность которым я присягнул.

– Двадцать семь. Не густо. У вас сколько?

– Что? – Корнет немного пришел в себя, перестал истерить и собрался.

– Патронов сколько?

– Четыре в барабане и двенадцать запасных.

– Маловато...

Вдруг створка ворот приоткрылась, и внутрь забежали трое, в гражданской одежде, но вооруженные. Корнет заметил их первым и всадил все свои четыре патрона в крепыша с обрезами. Стрелял он метко, так что крепыш упал и заорал благим матом.

Двое тут же спрятались за какие-то ящики, так что я совсем потерял их из виду.

– Перезаряжайте, корнет! – скомандовал я и потихоньку стал пробираться к позиции противника.

Пришлось укрываться за кучами строительного мусора, ржавыми станками, какими-то железяками. Оставались две короткие перебежки, когда из-за ящиков высунулась голова в кепке, внимательно вглядываясь в полумрак цеха. Я перекатился за большую деревянную катушку, на какие обычно наматывают высоковольтный кабель.

Противник среагировал мгновенно – револьверная пуля ударила туда, где я был за секунду до этого. Черт!

Пока один из врагов, высунувшись по пояс из-за укрытия, пытался выцепить корнета, второй ползком стал двигаться в мою сторону. Я видел его в щель между досками катушки, а он и не подозревал о моем местонахождении.

Враг прополз мимо, на расстоянии вытянутой руки, и я в деталях рассмотрел его поношенный вельветовый пиджак, штаны в полосочку, стоптанные подошвы сапог. В руках он держал карабин той же модели, что использовали и мы.

Револьвер два раза дернулся в руке, и под врагом расплылась лужа крови. Он умер, не издав ни звука.

Парень с револьвером за ящиками понял, что остался один, матюгнулся и попытался отступить к приоткрытым воротам. Ему это удалось, но корнет успел метким выстрелом продырявить ему ногу, так что последние шаги он преодолел с дикими воплями. Оказывается, в кавалерии еще и стрелять учат!

– Поручик! Что дальше?

– Собрать оружие и боеприпасы.

Корнет бросился к подстреленному им крепышу и принялся шарить у него по карманам. Вынув откуда-то заляпанную кровью горсть патронов, он переменялся в лице и его вырвало.

Когда спазмы прекратились, корнет проговорил:

– Я до этого никогда... В людей...

– М-да... Давно в действующей армии?

– Неделю...

– Молодцом держись. Протри патроны, если не хочешь, чтобы ствол оружия разорвало.

Корнет кивнул и какой-то тряпкой стал вытирать патроны от крови.

Я подобрал карабин, вытянул из карманов пиджака убитого две запасные обоймы. Во внутреннем кармане лежала фотокарточка: убитый мной парень, какая-то женщина в платье с передником и мальчишка, белобрысый, стриженный под бобрик и лопухий. Семейный был, черт побери! В этот момент приоткрылась дверь, ведущая из цеха в главное здание завода.

– Ваше благородие, вы живы?

– Живы, ефрейтор. Что там у тебя?

Сапер, переступая через нагромождения металлического хлама и хрупая сапогами по строительному мусору, подошел поближе, и я протянул ему карабин:

– Справишься?

– Разберемся, – сказал он и щелкнул затвором. – Там можно пройти, но вонь такая, что блевать тянет.

– Жить захочется – потерпим. Корнет!

Кавалерист, все еще с бледным лицом, подбежал к нам. За окном раздались крики:

– Смерть имперским оккупантам! Мы вас за ноги подвесим! – Акцент был жуткий, надо сказать.

– Н-надо поскорее отсюда выбираться, – проговорил корнет и щелкнул барабаном револьвера.

Сапер отворил деревянную дверь с облупившейся краской и нырнул в темноту. Мы последовали за ним.

– Здесь черт ногу сломит, так что поаккуратнее, поаккуратнее, – бормотал ефрейтор.

Воняло жутко. Пробирались почти вслепую, ориентируясь на тусклый свет небольших грязных окошек, находившихся под самой крышей. Корнет щелкнул зажигалкой и тут же закрыл рот ладонью. Я тихо выматерился: вокруг нас лежали трупы. Видимо, здесь с месяц назад столкнулись какие-то две местные группировки: военной формы видно не было, а вот холодное оружие валялось в изобилии.

Скрипнули ржавые петли ворот, и мы оказались на улице. Серое небо дохнуло в лицо сыростью и гарью фабричных труб.

– А теперь ходу, господа офицеры, ходу! – Сапер-ефрейтор рванул вдоль по улице к окраинам, туда, где был расквартирован имперский гарнизон.

Мы побежали следом. Я слышал сзади крики, потом прозвучало несколько выстрелов. Оглянувшись, увидел корнета, лежащего навзничь. Ему снесло полчерепа.

Я думал, что у меня отвалятся подошвы сапог или разорвутся легкие – так быстро бегать ещё не доводилось.

Красное кирпичное административное здание на другой стороне улицы показалось знакомым: недалеко должны были быть блокпосты родной Десятой сводной бригады. Я замедлил шаг и попытался отдышаться. К контрольно-пропускному пункту с полосатым шлагбаумом вышел ровной походкой, уже оправившись.

– Кто здесь старший? Сообщите дежурному офицеру о нападении на военнослужащих имперских вооруженных сил в районе заброшенного завода, недалеко от эстакады.

Усатый унтер-офицер козырнул и отправил солдата искать дежурного офицера. Скоро придется оформлять кучу бумаг, выяснять личность корнета и прочая, и прочая...

Здание офицерского клуба располагалось в каком-то кабаре с раздолбанным гаубицами вторым этажом. Но на первом этаже все было вполне прилично, имелась барная стойка, стулья и пожилой квартирмейстер-буфетчик, который наливал всем, кто носил погоны с золотым позументом, ровно по пятьдесят. И меня это полностью устраивало.

* * *

Было то время суток, когда солнце еще до конца не село, а луна уже появилась на небосводе. Ребята из третьего взвода развели костер возле КПП и варили на нем в котелке кофе, чтобы не так хотелось спать в ночное дежурство. Я подошел к шлагбауму и спросил:

– Ну, что тут у вас? Местные не беспокоят?

Вахмистр, старший этой смены охраны, махнул рукой и улыбнулся:

– Нет, господин поручик, не беспокоят. Один пацан даже хворост для костра приносил. Смешной такой, белокрысы...

– Я тут посижу с вами? Не спится что-то...

– Да всегда пожалуйста, вот, у нас даже лишний чурбак найдется!

Я сел на толстое поленце, которое показалось ничем не хуже роскошного кресла, и вдохнул аромат варящегося кофе. Дымок от костра поднимался в небо прямо, не тревожимый порывами ветра. Пролетела мимо летучая мышь, выписывая замысловатые кренделя в своей вечной погоне за ночными насекомыми. Вахмистр налил мне кофе в металлическую кружку, и я стал пить маленькими глотками, обжигая губы о горячие края кружки. Хорошо!

К контрольно-пропускному пункту приблизилась тонкая, невысокая фигура, несущая что-то на плечах. Часовой передернул затвором, а потом улыбнулся и сказал:

– Это наш пацан!

Белобрысый лопоухий мальчишка как-то тяжело сбросил с плеча небольшую вязанку хвороста и подтащил ее к костру. Вахмистр протянул пацану галету, тот зажал ее в руке, спрятав в карман, потом с видимым напряжением подкинул вязанку в костер, осмотрел нас всех странным взглядом и убежал куда-то в подступающую темноту.

Огонь потрескивал, весело принявшись за вязанку хвороста. Где-то я видел этого пацаненка, его лицо показалось мне знакомым...

– Чего-то он сегодня быстро убежал... – сказал один из солдат.

– И вязанка тяжелая какая-то была у него, хотя на вид вроде... – добавил другой.

Солдаты закурили и сменили тему. А у меня заклинило в голове и раз за разом вертелось одно и то же: знакомое лицо – тяжелая вязанка – быстро убежал. Я поднял с земли обломок доски и пошерудил в костре. М-мать!

– Все в укрытие!

Бойцы в карауле стояли опытные, и поэтому, не задумываясь, рванули кто куда: за мешки с песком, в канаву, в развалины кирпичного пакгауза... Я вместе с вахмистром оказался за ржавым остовом подбитого броневедомобиля.

– Что там такое, господин пору...

Бабахнуло так, что взрывной волной подбросило броневедомобиль, шлагбаум и блокпост разнесло вдребезги, а меня кубарем проволокло по земле, причем я чуть не откусил себе язык и здорово приложился коленом обо что-то твердое.

Когда прошел звон в ушах, я сказал вахмистру, сплевывавшему на землю:

– Снаряд. В вязанке был артиллерийский снаряд для сорокапятки.

Глава 8. Апперкот

Рота торчала в этих проклятых припортовых бараках уже вторую неделю. Не знаю, что там готовили в штабе армии, но о нас, «хаки-пехоте», похоже, забыли. Солдат выпускали в город по дюжине в день, выдавая при этом гражданскую одежду отвратительного качества. У офицеров с этим было полегче, главное, оставлять трех дежурных на роту, и гуляй сколько вздумается.

Представьте себе две сотни парней, запертых на ограниченной территории...

Я как мог помогал бойцам: брал заказы на покупки, относил почту, отпускал в город больше людей, чем положено. И очень просил ни во что не ввязываться: штабные, похоже, готовили какую-то военную хитрость, и обнаруживать наше здесь присутствие было крайне нежелательно.

– Господин поручик, вам никогда не дослужиться до штабс-капитана, – сказал мне однажды вахмистр Перец. – Слишком вы к нашему брату добрый.

Я и не собирался «дослуживаться». И в юнкера меня определили потому как образованный, и в офицеры попал случайно. Это сейчас я начальство всей этой братии в хаки. И когда всё это закончится – сниму погоны и снова стану студентом-недоучкой или детей пойду учить в сельской школе. А тот же Перец, бывший до войны хозяином ремонтной мастерской, будет куда более важной птицей.

* * *

Сегодня был мой день. То есть я мог выйти в город.

Получив у каптенармуса гражданский костюм, я отправился переодеваться.

Серые брюки, немного узкие туфли и рубашка в полосочку казались мне дикостью. Я настолько привык к родному «хаки», сапогам и португее, что чувствовал себя голым.

Солдаты наперебой совали «письма-треугольники», дали целую пачку помятых купюр и список желаемых покупок. Шумная толпа проводила меня до КПП, и я услышал, как кто-то крикнул:

– Берегись, девчата! Господин поручик в город идет!

И взрыв смеха. Они давно хотели мне кого-нибудь сосватать: то симпатичную докторшу из медсанчасти, то полковничью дочку во время последнего нашего долгосрочного отдыха. Не получалось.

Шагая по улицам с разбитым асфальтом, из-под которого виднелась брусчатка невесть какого века, я смотрел по сторонам и удивлялся этому городу. Война коснулась его в самом своем начале, и теперь пустые проемы окон, выбоины от пуль в стенах и обвалившиеся крыши соседствовали с буйной субтропической растительностью. Природа брала свое: плющ и лианы увивали полуразвалившиеся здания, деревья засовывали свои ветки в окна с разбитыми стеклами, трава пробивалась между плитами тротуара.

На почте хмурая тетка приняла письма, пересчитала их толстыми пальцами и сунула в какой-то ящик, не проронив ни слова. Я пожал плечами и вышел через тяжелую деревянную дверь.

Непривычным было то, что ни один прохожий не остановил на мне своего взгляда: одобряющего или осуждающего. Имперская форма всегда вызывала какие-то эмоции, я уже привык к этому. А рубашка в полосочку не вызывала.

Я хотел посидеть где-нибудь в тихом месте, попить кофе, отдохнуть от гомона и суеты, царящих в бараках, и поэтому зашагал к вывеске, обещавшей свежую выпечку и кофе «повосточному».

Чашка кофе и горячий рогалик с маком согрели душу, и я, закинув ногу на ногу, принялся пересчитывать солдатские деньги, которые бойцы насовали мне перед выходом, рассчитывая на то, что я вернусь с целой кипой гостинцев из длинного списка, составленного ребятами.

Мятые купюры, тусклые монеты, простые мечты моих бойцов, записанные химическим карандашом на оберточной бумаге... Зубная паста, книжка про пиратов, полкило халвы...

Я улыбнулся, завернул деньги в список покупок и попросил счет.

Задвинув стул, блаженно потянулся, хрустнув суставами, встал и зашагал к выходу. Краем глаза я заметил, что одновременно со мной поднялась компания из трех мутного вида типов. Один из них, небритый парень в картузе, кинул на стол смятую купюру и сделал какой-то знак своим друзьям.

Особого внимания я на это не обратил, вышел из кафе и отправился к единственному месту, которое могло удовлетворить всем пунктам списка покупок – городскому рынку.

Настроение у меня было приподнятое, я пинал носком ботинка какой-то камешек, благо по гражданке это было не стыдно. Вдруг камешек забился между плохо пригнанными сегментами брусчатки. Я даже ругнулся от досады. Это, конечно, было ребячество, но такое вот несерьезное настроение приключилось.

Я прошел еще несколько десятков шагов, как вдруг какой-то неприятный голос сзади громко позвал:

– Эй, дядя!

Я как-то не привык, чтоб меня звали «дядя», да и вообще, кому я мог быть нужен в этом городке? Поэтому идти дальше показалось мне самым разумным решением. Но голос не унимался:

– Эй ты, в полосочку!

«В какую полосочку?» – подумал я, а потом сообразил, что это касается расцветки моей рубашки. Развернулся на пятках и оказался на расстоянии вытянутой руки от того самого типа в картузе, которого видел в кафе совсем недавно. Его дружки стояли чуть позади и ехидно улыбались.

– Дядя, тут такое дело... Помоги ветеранам гражданской войны на хлебушек!

Я удивленно на него уставился. Ветеран гражданской войны? Это в каких таких войсках он служил, что его демобилизовали? Война-то еще... Так, стоп, о чем это я? Ясно ведь, чего ему надо.

– Нет, ребята. Помочь я вам не могу, – сказал я, и собирался было уже развернуться, как вдруг цепкая рука типа в картузе схватила меня за плечо.

– Мы кровь за тебя проливали, фраер! У тебя денежка есть, я видел, – сказал он, и его рука потянулась к карману моих брюк.

Это что еще такое?! Я резким движением освободил плечо, левой рукой пресек его поползновения к моему карману.

– Ты в какой части служил, ветеран? – поинтересовался я, отступив назад.

Ситуация накалялась. Дружки парня в картузе взяли меня в полукольцо, глаза главаря нехорошо прищурились.

– Отдай денежки, дядя! Мы таких, как ты... – начал он, и вдруг у меня в голове как будто взорвался кумулятивный снаряд.

Мощный апперкот в подбородок едва не сбил с ног, заставив зашататься и отступить на пару шагов. Главарь в картузе подул на костяшки кулака, только что побывавшего в соприкосновении с моей челюстью и сказал:

– Отдай денежки, а то ведь здесь тебя и закопаем...

Я затравленно огляделся. На самом деле переулочек был тихий, безлюдный. Какой черт меня сюда понес?

– Нет, не отдам. Хрен тебе, а не деньги! – сказал я и сплюнул кровь из прокушенной во время удара щеки.

Став в боксерскую стойку, я смотрел прямо в глаза доморощенному грабителю, демонстрируя решительность сопротивляться. Черт побери, я имперский офицер! Я лоялистов убивал!

Он демонстративно закатал рукава и двинулся ко мне. Когда его картуз оказался в прямой досягаемости моих кулаков, я резко нырнул вправо и длинным прыжком оказался нос к носу с одним из подельников «картуза», сутулым парнем с сигаретой в зубах.

Удалось крепко вцепиться классическую «двоечку» ему в голову, из носа у налетчика потекла кровь, а я не останавливался, наносил удар за ударом поочередно обеими руками, превращая его лицо в кровавое месиво.

Сутулый рухнул на землю, а мне крепко прилетело кованым сапогом по почкам то ли от «картуза», то ли от второго его приятеля. Боль была адская! Я отлетел вперед, споткнулся обо что-то, упал, ушибив руку...

– Отдавай деньги, фраер! – Два сапога оказались прямо перед моим лицом.

– А вот хрен тебе! – прорычал я, схватил обеими руками за правый сапог и дернул что есть силы на себя.

Мой противник больно сел на копчик рядом со мной, я тут же набросился на него, сбил с головы ненавистный картуз. Я бил и бил его, в корпус, в голову, по подставленным рукам до тех пор, пока удар с размаху ногой прямо в висок, нанесенный оставшимся бандитом, не сбросил меня на землю.

– С-сука! – Главарь, застонав, поднялся на ноги и пнул мне по ребрам. – Где там его деньги?

Они начали обшаривать мои карманы, но пронзительный свист патруля военной полиции заставил их отвлечься от меня и, подобрав своего друга, обратиться в бегство.

Я, скорчившись, лежал на земле и дышал мелкими глотками. Подошедшему ко мне капралу я прохрипел:

– Я имперский офицер... Доложите полковнику... – Я закашлялся, в голове у меня помутилось.

– Скрутили голубчиков! – послышалось сквозь звон в ушах.

* * *

Ноги несли меня к блокпосту в припортовой зоне, время от времени подкашиваясь до хромоты. Караульный отсалютовал мне, и я узнал в нем бойца, заказывавшего зубную пасту.

Скинув на землю с плеча «сидор», я нащупал внутри тубик и протянул караульному. Он широко улыбнулся, сказал:

– Благодарствую!

А я похромал к баракам, и на душе у меня было хорошо.

Глава 9. Коробочка

План десантной операции трещал по швам. На трех из пяти зон высадки имперские войска умылись кровью: береговые батареи пустили ко дну тихоходные баржи с бронетехникой, а высадившуюся с ботов и десантных катеров пехоту утопили в море элитные части лоялистов.

Здесь, в небольшом поселке с диким названием Бубырь, закрепиться нам удалось по счастливой случайности: местные жители гораздо лучше относились к его высочеству регенту, чем к лоялистской ассамблее, и, завидев суда под черными имперскими флагами, разоружили три десятка синемундирников-артиллеристов из оружейной obsługi.

Когда мы высадились и вступили в поселок, ветераны суеверно крестились: три стоящих у околицы 180-миллиметровых орудия превратили бы наш транспортный конвой в дырявые корыта за каких-нибудь полчаса.

Сейчас эти монстры были бесполезны – лоялисты таки успели привести в негодность затворы.

Хмурые рыбаки столпились у массивных орудийных лафетов, глядели из-под картузов оценивающе и с надеждой.

– А почему Бубырь? Что вообще за слово такое идиотское? – громко спросил Стеценко.

Я дернул его за рукав, но было уже поздно: солдаты рассмеялись, сбрасывая напряжение, накопившееся во время ожидания высадки.

Неожиданно какой-то местный, пожилой мужчина с бородкой, ответил:

– *Gobius fluviatilis* Pall, он же бубырь – разновидность морского бычка. Добываем в промышленных масштабах. Вон консервный завод стоит, – махнул он рукой куда-то в сторону. А потом спросил: – А что, господа имперцы, вы сюда надолго али так, пошуметь?

Я остановился, пропуская вперед шеренгу бойцов своей штурмроты, торопящихся занять высоты в двух верстах от побережья, и процитировал:

– Где раз поднят имперский флаг, там он спускаться не должен, – и мне самому захотелось верить в свои пафосные слова.

* * *

Чем занимается «хаки-пехота» большую часть времени? Выдвигается на позиции и закрепляется. А меньшую – держит оборону, пока не подтянутся ребята посерьезнее. Сколько их было: сопки, холмы, низины, ложбины, овраги, рощицы... Сколько тонн земли я перекидал саперной лопаткой?

В общем-то, я офицер, даже, наверное, белая кость, мог бы и не копать... Но, елки-палки, сорокалетние дядьки, которые мне в отцы годятся, роют каменистый грунт, натирают мозоли, а я что, буду пальцем тыкать «туда копай, сюда не копай»?

Так что я тоже вгрызался в землю, скинув шинель, и матерился вместе со всеми. Стеценко куда-то слинял, пробормотав что-то невразумительное в ответ на справедливый упрек.

Хрипящий и фырчащий грузовичок с консервного завода подвез нам патроны, и солдаты заметно оживились. Если прибыл транспорт с боеприпасами, значит, про нас не забыли. Значит, держать оборону, пока не подтянутся ребята посерьезнее, нам не так уж долго. Наступление и прорыв в тыл – дело брони и кавалерии, пехота тут так, с боку припека.

Мы насыпали в мешки землю, обшивали досками стены окопов, таскали бревна и кирпичи. Капитально обустраивались, в общем!

Линию обороны выстраивали на возвышенностях, верстах в двух от города. С одной стороны – хорошая позиция, с другой – гражданские не пострадают в случае обстрела. Отсюда

прекрасно просматривались обе дороги, с городской пристани можно было наладить снабжение.

– Господин поручик, мы что, так и будем держать оборону нашей ротой? Это по меньшей мере несерьезно! – ко мне подошел командир третьего взвода Семеняка. – Если они развернут против нас что-нибудь, кроме пехоты, мы тут и дня не продержимся...

Семеняка был тот еще фрукт. Его к нам перевели пару недель назад, и эта белобрысая лысоватая башка уже примелькалась всем и каждому. Особенно интендантам и снабженцам. Ну, по крайней мере, солдаты в его взводе были обеспечены всем, до последней пуговицы на гимнастерке и последнего куса сухаря в «сидоре». А что там оседало у него в карманах – меня это интересовало в последнюю очередь.

– Ну почему же одной ротой? Была радиограмма – к нам идут два транспорта, «Падуб» и «Завиша».

– И кого везут? – Семеняка снял фуражку и почесал лысину.

– Обещали что-то тяжелое, ну и какие-то пехотные части.

Он только рукой махнул и, развернувшись на каблуках, пробурчал, уходя:

– Пришлют каких-нибудь лапотников, а вместо танков – три ржавые железяки...

В целом я был лучшего мнения о нашем штабе, чем Семеняка, но после неудачной высадки сложно было рассчитывать на то, что к нам перебросят преторианцев или гренадеров. Приоритетным считался второй из захваченных на берегу плацдармов, а наш Бубырь был так, с боку припека...

Вахмистр Перец и его команда уже расставляли свои машины для убийства, организуя пулеметные точки. Фишер бежал вдоль линии окопов, увешанный, как елка гирляндами, пулеметными лентами. Бойцы выбрасывали последние лопаты земли, равняли бруствер... Мы были почти готовы к возможным неприятностям.

И они не заставили себя ждать.

Сначала появился колесно-гусеничный броневик, разведка лоялистов. Сложно было не заметить нашей линии обороны!

Бойцы заорали и принялись палить по синемундирникам, высываясь из окопов.

– А-а-атставить! – гаркнул я.

Стрельба прекратилась, вездеход, виляя, скрылся за поворотом дороги. Кажется, зацепили одного...

И тут же Мамсуров – посыльный прибежал и, отдышавшись, проговорил:

– Там транспорты к пристани подходят, просят, чтобы их встретил старший офицер... То есть вы, господин поручик!

Твою мать... Тут лоялисты вот-вот атакуют, еще Стеценко смылся куда-то, сволочь, шомполами заporю!

– Вишневецкий! Остаешься за главного! – Пора приучать подпоручика к ответственности.

Вот разозлюсь и поменяю его и Стеценку местами!

За мной приехала одолженная у местных «полуторка», и усатый водитель из снабженцев довез меня до самого причала.

«Завиша» уже разгружался. Ко мне подбежал бородатый унтер-офицер, козырнул и отработовал:

– Сводный отряд прибыл для дальнейшего прохождения службы.

– Погодите козырять и гаркать. Представьтесь, пожалуйста.

– Двадцать седьмого Пятиреченского стрелкового полка унтер-офицер Демьяница, господин поручик!

Я протянул ему руку для рукопожатия, он удивленно глянул на меня, но на приветствие ответил. Рука у него была твердая и крепкая, как цевье винтовки.

– И сколько человек в сводном отряде? Что там вообще за бойцы, кто старший офицер?
– По всему выходит, старший офицер – вы, господин поручик!

Я тяжело вздохнул.

– Как так-то, а?

– Выбили наших господ офицеров почти подчистую, мы ведь под Топелиусом высаживались... Насобирали живых-здоровых четыре сотни, перегрузили на корабль, и вперед – укреплять плацдарм Бубырь. – Унтер-офицер наклонился вперед и шепотом спросил у меня: – А что такое «бубырь»?

– Город этот. И рыбка такая. Добывают в промышленных масштабах. Вооружение у вас какое?

– Штатное. Винтовки, карабины, четыре станковых пулемета, гранаты противотанковые. Я вздохнул еще раз и скомандовал:

– Стройте своих ребят в три колонны и марш во-о-он к тем высотам, лоялисты вот атаку начнут. Найдите подпоручика Стеценко или подпоручика Вишневецкого – они там командуют. А мне еще «Падуб» принимать.

– Есть!

По сходням на пристань выгружались солдаты – целое море родного «хаки», только нашивки разные: пятиреченцы, горцы, старогородцы, даже какие-то части столичного гарнизона.

Бойцы выгрузили снаряжение, построились в маршевые колонны и под руководством унтеров и вахмистров выдвинулись в сторону наших позиций. Эх, не накрыли бы их лоялистские аэропланы.

Я тут же постучал себя по голове, поскольку никакого иного дерева в пределах досягаемости не наблюдалось.

«Падуб» почему-то не причаливал. Корабль стоял под парами, из трубы валили клубы черного дыма. Наконец он стал приближаться к берегу.

– Э-э-э, куда-а? – Я ошалело смотрел на транспорт, который шел прямо к пологому берегу, верстах в двух от города. – Что за...

И тут бабахнуло! На передовой началась рубка. А я здесь!

Черт с ней, с высадкой, мне нужно туда.

Я подбежал к машине, ступил на подножку и, стукнув по теплomu металлу кабины, скомандовал:

– Поехали!

Внутрь залез я уже на ходу, больно ударившись головой о потолок кабины.

Водитель сдвинул фуражку на лоб, вывернул руль и, обдавая грязными брызгами стены домов, помчался по улице прочь из города.

Откуда-то сзади раздался пароходный гудок «Падуба». Мелькнуло сомнение – развернуть машину, принять высадку и с подкреплением явиться на позиции, но мы уже гнали по полю. Что-то завывало, а потом жахнуло с правого борта. Меня осыпало осколками стекла, машину повело в сторону, я глянул на водителя: половина лица у него была залита кровью, он сползал набок.

Перехватив руль одной рукой, я выровнял машину, второй рукой пытаюсь расшевелить шофера. Вдруг он повалился на баранку и раздался долгий-долгий сигнал клаксона, а потом мотор фыркнул и заглох.

Черт, ну как же так-то? Стало как-то невыносимо жаль этого дядьку, я даже его фамилии не знал. Тут рвануло уже слева, я матюгнулся, открыл дверцу и выкатился наружу.

До позиций оставалось с полверсты, и я надал, пригибаясь, по пологому склону возвышенности, туда, где шел бой.

Городок этот, Бубырь, стоял на одном из мысов, которые образовывали собой бухту и удобную гавань для кораблей. А единственная дорога как раз и петляла между возвышенностями, на которых мы заняли оборону.

* * *

В окопах царил суший ад. Лоялисты взялись за нас всерьез, у них где-то в низинах стояли бомбометы, и они забрасывали нас фугасными каждые пять – семь минут.

Сквозь грохот разрывов я пытался вызнать обстановку у Вишневецкого, который торчал на дне окопа и прижимал к голове фуражку руками.

– Две атаки отбили, так они долбить нас стали! Если бы не пятиреченцы и остальные, нам бы худо пришлось. По два бойца на десять метров линии окопов – это разве оборона?

Снова жахнуло, и на головы нам посыпалась земля.

Я выглянул из-за бруствера и тут же спрятался – сплошная линия разрывов приближалась к траншеям. Господа лоялисты со страшной силой учатся воевать!

– Огневой вал, господин поручик! – проорал мне в ухо Вишневецкий.

Я кивнул, вдохнул воздух, пропахший порохом, землей и кровью и потянулся за шашкой.

– При-и-мкнуть штыки!

Я встал в полный рост: когда накатывается огневой вал, за ним обычно следует пехотная атака, так что осколочных не используют, ведь солдаты идут на границе разрывов. Главное – спрятаться вовремя.

Я видел, как мои бойцы и солдаты, прибывшие на «Завише» готовятся к бою, и солнце играет на остриях штыков.

Грохнуло совсем рядом, взметнув целые глыбы земли, меня осыпало с ног до головы, попав в сапоги, за шиворот. Оглохнув и ослепнув на секунду, я отплевывался на дне окопа, очищая глаза и уши.

– Свобо-о-ода-а-а-а! – заорали над головой, и я полоснул снизу вверх шашкой, обрывая этот идеалистически-безумный боевой клич лоялистов.

В окоп рухнул синемундирник, обливаясь кровью, а я уже дернул револьвер из кобуры и стрелял, стрелял в появлявшихся на бруствере врагов.

В окопах шел бой, лоялистов было не так много, но мы не могли вести огонь, и к ним постоянно подходили новые и новые бойцы.

Я, Вишневецкий, Мамсуров и еще несколько солдат сумели очистить метров семь окопов от противника, и теперь пробивались к рации и пулемету – туда, где слышалась хриплая матерщина вахмистра Перца и звуки самого ожесточенного боя.

Мне пришлось два раза набивать барабан револьвера заново, Мамсуров был ранен, и мы потеряли двух бойцов, но успели вовремя – синие мундиры наседали на пулеметную команду вовсю. Они залегли перед линией окопов, стреляли из винтовок, мешая bravому вахмистру сменить ленту в так не вовремя заглохнувшем пулемете.

Мы убили их всех, стреляя почти в упор: лоялисты не ожидали, что кто-то появится из окопов, истекающих кровью.

Вахмистр Перец залязгал пулеметом, костеря на чем свет стоит подносчика лент Фишера.

А потом кусочки смерти калибром 303 тысячных дюйма понеслись из ствола пулемета навстречу бегущим в полный рост цепям синих мундиров, которые тут же залегали, начинали отползать и отстреливаться.

Минутная передышка позволила нам с Вишневецким собрать вокруг себя человек двадцать, и мы ринулись вдоль по линии окопов, расстреливая, коля и рубя всех, на ком был синий мундир.

Я нашел Стеценко у рации. Рядом с рацией валялись три мертвых лоялиста, к стенке окопа была прислонена трофейная винтовка с окровавленным штык-ножом.

– Поручик? Это тебя. «Коробочка» вызывает.

– Какая «Коробочка»?

– Да че-орт его знает, сам разбирайся!

Трубка рации шипела и трещала, сквозь помехи пробился бодрый, почти дикторский голос, прерываемый каким-то грохотом и лязганьем.

– Я «Коробочка», ответьте «Коробочке»!

– Прием, говорит старший офицер сводного отряда имперских войск! Слушаю вас, «Коробочка»!

– Говорит командир роты сверхтяжелых панцеров! Передан в ваше распоряжение, по собственной инициативе выдвигаюсь на огневой рубеж для подавления бомбометов противника! Разрешите продолжать?

Я ошалело посмотрел на Стеценко.

– Рота тяжелых панцеров?!

А в рацию сказал:

– Действуйте, «Коробочка»!

– Понял, работаю! Конец связи! – этот бодрый, почти веселый голос настолько не соответствовал окружающему кошмару, что у меня затрещало в висках.

А рация уже умолкла, подвесив в воздухе вопрос о неизвестно откуда взявшейся роте сверхтяжелых панцеров, о которых я и слышать-то не слышал никогда!

У нас тут хватало проблем и без таинственной «Коробочки», так что мы принялись очищать окопы от лоялистской нечисти.

Нам помогало то, что тут и там офицеры и унтеры смогли сплотить вокруг себя людей и удержать отдельные участки линии обороны. С неожиданной стороны проявил себя Семеняка, который вместе с командиром пятиреченцев Демьяничей защищал штабной блиндаж и сумел взять в плен какого-то лоялистского уполномоченного.

А за лесом, откуда лупили по нам бомбометные батареи, урчало и грохотало. Слышались звуки разрывов и пулеметных очередей. Лоялисты постепенно откатывались от наших окопов, испуганные происходящим в своем тылу, отстреливаясь и не давая нам высовываться и перейти в контратаку. Не больно-то и хотелось. Я видел, как на поле выкатился давешний колесно-гусеничный броневик, а следом за ним еще и еще!

Отступающие от окопов синемундирные пехотинцы выстраивались за броневиками, готовясь к новой атаке. Я себе слабо представлял, что мы можем противопоставить технике противника, даже бутылок с зажигательной смесью было раз-два и обчелся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.